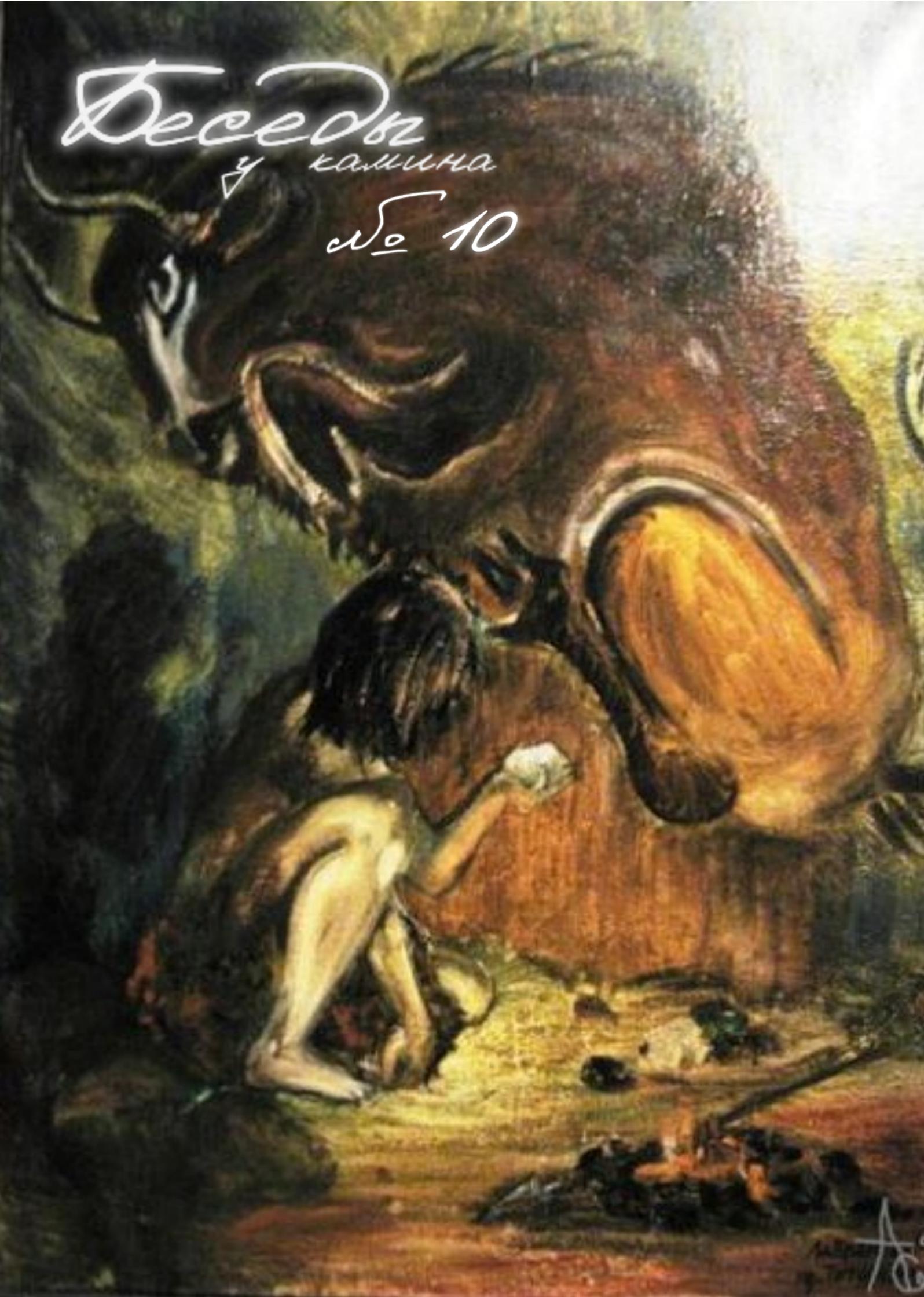

Беседа
у камня
№ 10

А. С.

Содержание

Рубрики

От редакции	2
Наши друзья	28
Казнить нельзя помиловать	50
Интервью с победителями конкурса «Посвящение». Данилов	54
Интервью с победителями конкурса «Посвящение». Ершов	60

Стихи

Сергей Сис	12
Лада Петрунина	12
Глеб Зиновьев	12
Наталия Коденцова	26
Скрытмир Волк	26
Наталья Эткеева	45
Луиза Мударова	46
Слава Юпитер	49

Проза

Сергей Чибисов	3
Евгений Базарофф	25
Михаил Соболев	33
Егор Сазоненко	48
Ольга Погода	52
Кирилл Сорокин	56
Андрей Ермолаев	58
Елена Филипенко	62
Евгений Бем	64

Рисунки

Анастасия Лавренева	Обложка, 51, 63
Сергей Чибисов	27, 32
Ирина Реуцой	47
Евгений Бем	59

Тема «Город»

Иван Гладких — Рисунок	13
Александр Зенкевич — Стихи	14
Кирилл Сорокин — Проза	15
Кэт Кудинова — Рисунок	21
Наталия Коденцова — Стихи	21
Лада Петрунина — Стихи и Рисунки	22, 24
Евгений Бем — Рисунок	23
Ирина Брагинская — Стихи	24

Здравствуйте, уважаемые читатели!

Перед вами десятый номер газеты "Беседы у камина". Десятый выпуск - это небольшой юбилей для нас, а для вас — новые полсотни электронных страниц интересной пищи для ума и для души.

Как всегда, вас ждет знакомство с новыми авторами и встречи со старыми знакомыми. Вошла в номер и еще одна статья цикла "Казнить нельзя помиловать". В ней мы поговорим о порядке слов в предложениях.

Кроме того, в этом номере вы сможете прочитать тексты-победители конкурса "Автопортрет", проведенного в группе "Я пишу" на сайте социальной сети ВКонтакте, а также интервью с победителями конкурса "Посвящение", произведения которых были опубликованы в прошлом номере газеты.

Ну, и конечно, на страницах газеты нашлось место для уже привычных рубрик: «Выбор читателя» и «Тематическая рубрика». Тексты в первую из них, как вы помните, выбирают читатели, путем голосования. Во второй мы собрали тексты и рисунки, которые посвящены теме города в разных его ипостасях.

С некоторых пор, рисунки в каждом из номеров объединены одной темой. В этот раз мы подобрали для вас рисунки с сюжетом.

Кроме того, теперь в нашей газете используются гиперссылки, с их помощью можно легко перейти из содержания к любому произведению и с любой страницы вернуться к содержанию. Для этого достаточно нажать на номер страницы в содержании или в правом нижнем углу страницы.

Желаем вам приятного прочтения, а нам - радовать вас всё новыми и новыми выпусками.

Всегда ваша, Редакция БУКа.

Сергей Чибисов
По следам древних аланов

Глава 1.

Дорога. Голод. Док. Шутка командира

Из Черкесска нас везли автобусом. Гор не было особенно видно. Привезли нас глубокой ночью. Разместились кое-как. Утром, выйдя на свежий воздух, охренели от фантастического горного пейзажа, такого мы не видели никогда!

Что толку описывать, словами не передать, и даже фотки и фильмы не дадут того чувства, когда видишь горы живьём. Кто бывал в горах поймёт меня, а кто не бывал, тем советую хоть раз в жизни прикоснуться глазами и душой к исполинской, фантастической, потрясающей красоте гор.

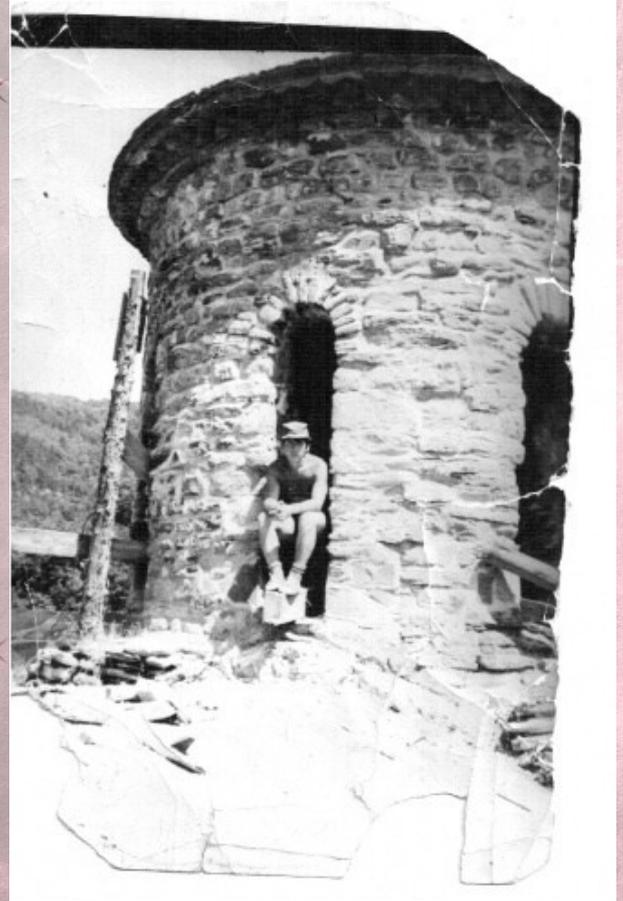
Буду по честному прозаичным и всё таки скажу:

— Долго находиться в горах в одном и том же месте становится скучно, ведь горный пейзаж не меняется; пройди ты по долине хоть пять километров — все окружающие горы останутся на месте и даже ракурс свой не изменят; они как тучи, только застывшие на небе навечно.

Это был мой первый в жизни стройотряд. Труда я не боялся, Мосводопровод закалил меня, как надо. С первого курса в это лето никто не решился пожертвовать каникулами. А я рассудил:

— На халяву побываю на Кавказе, да ещё и заработаю. Увидел объявление в холле архитектурного, Аланская цивилизация, реставрация из руин храмов тысячелетней древности. Это было ещё зимой. Полгода мы проходили по вечерам обучение в Росспецреставрации. А потом весна, экзамены позади, вокзал, весёлая дорога. Мы с гордостью выходили на станциях в своих фирменных зелёных формах, на рукавах красовались собственноручно изготовленные лейблы с названием отряда «Архыз». На станции Кропоткин нас догнал Ленинградский поезд, весь наполненный стройотрядовцами, тоже в зелёных формах, но с другими знаками на рукавах, у них ещё куртки и на спине были разрисованы (ну мы это тоже потом наверстали, так куртки свои разрисовали, вслед нам смотревшие, долго рот не могли закрыть). Питерские песню пели классную, под гитару хором прямо на перроне, типа, знай наших. "Трудно было человеку десять тысяч лет назад, он пешком ходил в аптеку, на работу в зоосад..." и т.д. Узнаёте песню?! Впервые вот так её тогда услышал, пока ещё никого не встретил, кто бы лучше тех неизвестных ребят эту песню сделал, не обижайтесь на меня, известные и раскрученные ансамбли.

После того, как шок от увиденного пейзажа стал проходить, стали думать, что неплохо бы и позавтракать, но когда выяснилось, что столовая закрыта, а магазинов вблизи этих развалин и не было никогда, мы внезапно почувствовали страшный голод.

Больше всех разволновался наш Док (доктор). Он тоже был в стройотряде впервые, после второго, кажется, курса, и впервые под его опекой находились двадцать пять живых мужиков и одна девушка Таня, тоже очень живая. К (наверное) сожалению Дока, мы были абсолютно здоровы, а ему наверняка так хотелось найти применение своему таланту и умениям. Док был поначалу одинок в этом отряде, как и я. У студентов медиков есть такая беда: их посылают в стройотряды по одному, зачем держать медбригаду в небольшой куче здоровых мужиков? Но Док ещё в дороге сдружился с нами и был в доску своим, правда имени его я не запомнил, потому, что по имени мы его и не звали, мы его так прямо и называли — Док.

Узнав, что есть нечего, а не вовремя принятая пища — прямая угроза нашему здоровью, Док понял, что пришло его время... Где он разыскал несколько больших банок томатной пасты, мы так никогда и не узнали. Мы размешали пасту в воде из горной реки Зеленчук, вскипятили на костре и, остудив в той же бурной реке, мгновенно выпили невероятно вкусный томатный сок. Кроме этого томатного сока нам ничего больше не подавали, но завтрак мы признали шикарным, по крайней мере мне, как видите, он запомнился на всю жизнь.

Жили мы в большой, старой, одноэтажной сакле. Все мужики в одной большой комнате, командир и комиссар в отдельной, а Татьяна в комнатухе сразу за командирской.

Перед сном мы играли в одну довольно грубую, но снимающую напряжение рабочего дня игру: кто-то из ребят по жребью произносил почти шёпотом любое пришедшее на ум слово, сосед должен был произнести это слово чуть громче и т.д., пока громче уже невозможно. Проигравшему доставалось ботинком по голому заднему месту от каждого по разу. Петька Шарганов пустил по кругу, да простите меня уважаемые читатели, слово "жопа". Когда очередь дошла до меня, все с плотоядной улыбкой уставили на меня свои рожи, Тимофея Громова, только что издавшего нечеловеческий вопль, наверняка потрясший сквозь каменные стены долину Аланов и наверняка потревоживший души их предков, вряд ли можно было перекричать. Но они не слышали ещё настоящего голоса Серёги Чибисова, думаю, я только песенки задушевные петь могу под гитару. Я набрал в лёгкие воздуха, сколько смог и ещё немного... и в этот момент в комнату вошла Татьяна:

— Вы меня звали ребята?

После паузы, похожей на ту, которую делает батальон на параде перед тем, как крикнуть «Ура», мы грохнули, из глаз текли слёзы, некоторые сели на кровати и схватились за животы, опасаясь, что они лопнут от смеха.

Мы сразу поняли, что Татьяне не был слышен наш крик через комнату командира, это командир Гришенчук решил подшутить над нами и сказал Татьяне:

— Иди, там тебя ребята зовут, меню на завтра, что ли хотят уточнить.

Но Татьяна, так и не узнала, отчего мы чуть не умерли со смеху, увидев её.

Глава 2

Свод. Форель. Фронтон. Лестница

Работа у нас была тяжёлая. Фактически мы как на машине времени перенеслись в Аланское царство и работали так же как древние аланские строители. Даже известь сами гасили. Храм был сильно разрушен. За тысячу лет сколько землетрясений прошло, чудо, что хоть что-то от храма осталось. Прямо под местом, где был купол, разбирая руины, мы нашли отлично сохранившийся великолепный бронзовый крест.

Мы сами делали кружала, по которым выкладывали своды. Две бригады по 8 человек каждая шли навстречу друг другу, одна Серёги Терехова, другая Толика Шошина и как на Эльбе

на вершине арочного свода (что над порталом) встретились. Ох мы это дело и отметили! Сторож по отчеству и одноимённой кличке Ильич наловил форели и сварил ведро ухи. Но саму форель только мы с Петькой Шаргановым попробовали, она на самом дне ведра лежала. Когда все напились и валялись где попало, Петька мне и говорит: "Пойдём, Серый, ушицы ещё поедим". (Петька здоровый был и толстый, всегда есть хотел.) Я-то есть не хотел уже, но за компанию пошёл. Мы ведро всё доели и забыли, что там на дне форель была, съели её, как простую краснопёрку.

А утром Ильич спрашивает:

— Ну как форель?

Все на него глаза вытаращили, уха была, а форели никакой не видели. Я — честный пацан — во всём признался, чтоб честь Ильича не очернить.

— Кто хотел, — говорю, — тот поел, со дна поддевать надо было, не лениться, и водки поменьше жрать!

Приезжал к нам архитектор реставратор из Москвы, как барин. Встанет перед фронтоном, руки скрестит на груди, как Наполеон, и долго так стоит, думает, вроде. Потом вздохнёт и произносит:

— Что-то итальянщиной попахивает, давайте в нижний ряд камни побольше положим,-

Ему хорошо говорить, а у нас от известкового раствора все руки в бинтах окровавленных, вот уж где док оттянулся. Ну хрен с ним - переложить, так переложить, мы не гордые, реставрацию всё же делаем, не хухры-мухры. А он зараза через месяц приехал:

— Ой! — говорит,

— Раньше лучше было!

И опять нам всё перекладывать.

Камни вдоль ручья искали, ох и красивое ущелье было, даже описать трудно, какое красивое было, жаль времени на любование мало было — камни обтёсывали, по заранее сделанному эскизу, на каждый камень, если камень не лопнет, шли за пацанами — человек восемь надо было, чтобы камень перетащить, а они, заразы, лопались часто.

Потом мы грех на душу взяли — из руин города камни стали носить, камни уже обтесанные там были, аланами, ещё тысячу лет назад, и руины прямо рядом с храмом были.

Нас даже на раскопки как-то подрядили.

Мне с Петькой Шаргановым досталось лестницу, что к храму вела, раскопать. Роем, роем, а лестницы и близко не видно. Археолог, худой такой, чуть постарше нас был, то и дело очки на носу поправляя, всё говорил:

— Ищите, ищите, ребята, должна быть!

Измучились мы с Петькой порядочно. Я Петьке и говорю,

— Что мы ему, служебно-розыскные собаки, что ли, давай эту лестницу долбанную запроектируем и выложим, её за годы землетрясений так перекорёжило, не угадаешь! Архитекторы мы или нет, и чем мы хуже тех аланов?

Сложили мы ту лестницу, какие камни на месте оставили, какие чуть повернули, какие подложили...

Подходит археолог, а мы ему:

— Кажись, нашли.

Лицо его расплылось в радостной улыбке,

— Ну я же говорил! Моя правда! Была тут лестница!

Глава 3 Вредная привычка

Однажды, мы решили бросить курить, всем стройотрядом, пожали друг другу руки и бросили, у Серёги Терехова оставались ещё сигареты, Толик Шошин об этом знал, и предложил:

- Давай сначала Серёгины сигареты докурим, а потом уж бросим.

У Серёги оставалась почти полная пачка болгарских сигарет без фильтра «Солнышко». Как раз каждому по сигарете почти досталось, мы с Новопавловским одну на двоих скурили.

Сигареты кончились, в радиусе 50 км торговых точек не было, транспортного сообщения тоже, так мы всем отрядом бросили курить. Мы очень гордились нашей коллективной силе воли, пока не вернулся из командировки командир отряда Мишка Гришенчук.

- Смотрите, что я Вам привёз, - сказал маленький такой Гришенчук, улыбаясь в свои большие, чёрные, густые усы, держа в руках большой, коричневый чемодан.

Он поставил чемодан на большой камень, стоящий у входа в портал, и движением фокусника открыл его. Чемодан доверху был наполнен моршанской «Примой».

Мишка не понял почему мы не бросаемся к чемодану, по его расчёту у нас давно уже должны были кончиться сигареты, Мишка-то не знал, что мы бросили курить...

Первым подошёл к чемодану Терехов Серёга, потом Игорь Новопавловский, потом потянулись остальные, никогда в жизни я потом не испытывал, такого кайфа от дымка сигареты... Не закурил только Петька Шарганов, он бросил курить действительно на всю жизнь.

Глава 4. Известь. Гадюка. Gloria, halleluiah

Работали мы точь-в-точь, как древние Аланы, и также как они тесали камни и раствор известковый готовили, даже известь сами гасили. Страшно опасная яма была, без ограждения, ограждение только через месяц сделали, когда Прячихин Володя, едва по пьяни туда не свалился, растворился бы в извести, как сахар рафинад, Ковалёв Серёга его едва успел схватить за ноги - слава Богу, рядом оказался! Мы бросили все дела и тут же сделали ограждение и сделали себе заметку на всю жизнь — важные дела не откладывать.

Работали мы обнажёнными, в плавках. Поначалу обгорели, облезли, а потом красиво покрылись коричневым загаром, работа подтянула нас и стали мы красавцы — хоть куда!

Жаль только - кроме Танюхи, больше никто из девушек не смог полюбоваться нашими загорелыми телами, так как женщин в обозримом пространстве мы не видели, как и они нас.

Аланы наверное цивилизованнее нас жили, знали, где какая опасность в этих местах подстерегает. А мы до всего доходили методом проб и ошибок.

Однажды, собирая каменюки для кладки, присели мы на одну такую каменюку, перекурить перед тем, как тащить её к храму. Дуван говорит,

— Эх! Пивка бы сейчас! И вспомнили мы Москву, пивной ларёк на «Пол горы», так мы его называли он, кажется, на Звонарском, переулке стоял, или на Сандуновском (забыл уже), пиво по 22 коп. кружка...

Перекурили, встали вокруг камня, подняли... и вдруг!!! Нас охватил леденящий душу ужас, под камнем свернувшись клубочком, наверное, отдыхала, также как и мы, гадюка. Мы оцепенели, но к нашей гордости, никто из нас не бросил камень, это возможно было сделать только разом, по команде. Гадюка видимо всё поняла, усмехнулась, как нам показалось, и элегантно потягиваясь, как бы позируя своим красивым телом, всем своим видом говоря:

— Мужики, я же такая красавица, и вами давно уже незаметно люблюсь, чего вы меня боитесь, так уж я и бросилась на вас!

Медленно и спокойно распрямившись, она ушла в незаметную глазу расщелину.

Потом мы часто видели змей и не только гадюк. Но с той поры мы не снимали кирзовые сапоги, которые раньше предпочитали более лёгким кедам.

Мы слегка отворачивали голенища, как мушкетёры, и наш вид после этого становился ещё более мужественным, и теперь, работая, мы стали ощущать на себе восторженные взгляды красавиц гадюк.

А однажды Прядихин ни с того ни с сего предложил строем вернуться на базу, чеканя шаг сапогами.

Танюха сказала, что это было зрелище ого-го! Весь немногочисленный штат базы был в шоке.

Парад древнего войска да и только!

Строго чеканя шаг тяжёлыми сапогами, поблескивая загорелыми телами в усталых лучах заходящего солнца, мы хором пели. И наши грубые мужские голоса, наша победная песнь, тысячекратно умноженная горным эхом, расплескалась по всем уголкам сказочной долины:

— Мы идём на Ричмонд тёмно-серою стеной
Звёздные полосы мы несём перед собой.
Тело Джона Брауна лежит в земле сырой,
Но в сердцах он как живой.

Gloria, Gloria, halleluiah,
Gloria, Gloria, halleluiah,
Gloria, Gloria, halleluiah,
Но в сердцах он, как живой.

Глава 5

В тесноте да не в обиде

Однажды нам выдали зарплату — по тридцать рублей на человека. В нашей долине Аланов тратить эти деньги было совершенно негде, и мы решили в конце рабочей недели отправиться в ближайший к нам населённый пункт, чтобы сходить в кино.

Нас — таких неленивых — набралось девять человек вместе с Татьяной. До первого висячего пешеходного моста было 7 км. Переправа по висячему мосту — это мероприятие не для слабонервных. Особенно дрожат коленки на самой серединке, когда мост непредсказуемо раскачивается, а внизу бешено бурлит вода горной реки. Но нужно, огромным усилием воли преодолевая страх, перебирать руками по тросу, а ногами по настилу и во что бы то ни стало двигаться, иначе так и будешь жить, скованный страхом на середине этого, уходящего из-под ног мостика. Когда мы вышли на дорогу, уже смеркалось.

Проезжавший мимо верхом на коне черкес, сказал нам, что автобусы тут не ходят, надо ловить попутку. Несколько редких грузовиков даже не остановились, они уже были с попутчиками. Остановился грузовой трёхколёсный мотороллер с крохотной грузовой кабинкой. Решили посадить в неё Татьяну и её фаворита Славу Новикова (пусть хоть двое из нас посмотрят кино). Но в кабине ещё оставалось место.

— А можно ещё кто-нибудь влезет? - спросил водителя Прядихин Володя.

— Да хоть все залезайте, если влезете!

И тут нами овладел азарт максимально заполнить пространство кабинки. Мы стали размещаться на корточках друг напротив друга, вставляя свои коленки между коленками визави, по типу, расчёска в расчёску. И надо же, влезли все, кроме толстого Петьки Шарганова. Опечаленный, он завистливо посмотрел на нас, и опустив голову, грустно стал растворяться в темноте по направлению к висячему мосту.

— Петька, стой! Тут есть место! — вдруг крикнула вслед ему Татьяна.

— Где? - удивились мы.

— Он поместится, если сумеет втиснуться к нам на колени в единственно остававшееся свободным пространство, между нашими головами и коленями, — что-то типа этого сказала Татьяна.

С помощью водителя Петька втиснулся. Водитель закрыл дверцы на ключ и мы поехали.

Кромешная тьма, духотища, жуткая тряска по раздолбанной дороге. Но мы ещё шутили:

"Отвезёт нас в далёкий какойнибудь аул и зарэжэт. Или мотороллер занесёт на повороте, и свалимся мы с кручи в бурлящий поток на скалы в готовом уже братском гробу".

Но водитель доставил нас прямо к Дому культуры. Кино правда закончилось, но танцы были в разгаре. Когда из крохотной кабинки вылез пятым Толик Шошин, толпа, наблюдавшая за нашим прибытием, раскрыла рты (казалось невероятным, как туда влезли пять человек), но когда последней девятой вылезла Татьяна, сделала реверанс, картинно развела руками и сказала:

— Оп-па!- Толпа закрыла рты, и разом сглотнула...

Какой-то джигит, стоявший рядом, с ну очень кавказским акцентом сказал:

— Алико, смотри, цирк приехал!

Глава 6

Казбек

Димка Рогозин был очень умным. В свободные минутки перекуров от тяжелейшего труда каменотёсов и каменщиков он находил в себе силы лазить по храму и замерять в нём что-то. Помогал ему в этих обмерах в основном я. Помогал потому, что по жизни безотказный, да плюс единственный, кто был в этом отряде после первого курса, типа молодой. Димка же был единственный в этом отряде, кто был после третьего курса. Основной отряд состоял из второкурсников. С Димкой мы подружились. Ему нравилось, что я его всегда внимательно слушал, а знал он действительно много и мне, честно говоря, интересно было слушать об истории таинственной аланской цивилизации, о которой Димка много читал и поехал потому в этот отряд, что был счастлив прикоснуться к подлинным следам этого древнего народа. Обмерял он храм, чтобы найти в его пропорциях золотое сечение. Эта пропорция, которую применяли ещё древние греки, увлекался ею и Леонардо да Винчи. Сам её принцип удивительно прост: целое делится на две части так, чтобы большая доля относилась к меньшей, как всё целое к большей доле, примерно пять к трём получается (похоже на заповедь ветхого завета, типа относись к человеку меньшему так, как бы ты хотел, чтобы к тебе больший относился:). Я вспоминаю, как впоследствии Брунов Николай Иванович, читавший нам потрясающие лекции по истории архитектуры, на которых мы, гады, спали, потому, что они были первыми и читались в темноте с показом слайдов, говорил нам о золотом сечении две лекции по два часа, и в основном он говорил о цифрах, о том, как эти цифры превращались умом человека в фантастику настоящей архитектуры, говорил он о том, что существует ещё много других пропорциональных принципов, и что мы должны овладеть искусством сочетания разных пропорциональных принципов, как

художник искусством гармоничного сочетания различных красок...

Однажды, в один из выходных, Димка предложил мне подняться на гору, у подножия которой располагался аланский город:

— Наверняка на вершине должно быть что-то интересное.

Рано утром, прихватив с собой по куску хлеба и по фляжке с водой, мы приступили к восхождению. Гора была не такой уж известной и большой, но всё равно — гора!

— Умный в гору не пойдёт! — шутили мы, поднимаясь по её склону, покрытому ярко зелёным лесом. Мы потом осознали, как сильно рисковали, ринувшись на склон без подготовки, и без снаряжения, никого не предупредив. Молодость не понимает опасности, и, как это не парадоксально, не ценит жизнь и именно тогда, когда она вся впереди. Увы, понять, что уйти из жизни не изведав всех её чудес, обидно и нелепо, можно, только прожив эту жизнь.

Гора была густо покрыта лесом и была довольно крутой, однажды мы едва не свалились с небольшого обрыва, который незаметно оказался прямо у наших ног, мы стали осторожней, но это не избавило нас от опасного сюрприза на самой вершине. Вершина оказалась плоской, как будто и горы никакой нет, здесь мы нашли развалины часовни, сквозь которые густо росли деревья. С высоты открылся сказочный вид на нашу долину. Мы представили себе монаха, который жил в этой часовне, молился богу за свой аланский народ и не сводил взгляда с севера, пристально всматриваясь, не виднеются ли там полчища врагов; как он ударял в колокол, когда видел вдали пыль поднимаемую тысячами конских копыт, и как он жалел, что не имеет права спуститься вниз, взять оружие и встать в строй со своими братьями аланами... Он должен был молиться и просить у бога победы для своего народа. Изучая площадку вокруг часовни, мы совсем забыли, что находимся на вершине горы. Когда мы залезли в заросли какого-то кустарника, сердце моё обомлело от ужаса... Вдруг кустарник внезапно кончился, и моя нога повисла над пропастью у которой буквально не было дна. Пропасть была видимо с отрицательным уклоном и дно где-то там в километре внизу возможно и было...

— Димка, стой! Пропасть! — заорал я что есть мочи и вовремя: близорукий очкарик Димка, двигавшийся в пяти метрах от меня параллельным курсом, её точно бы не заметил. Любопытство всё же взяло верх, и мы нашли прогал, через который увидели нечто, что мне запомнилось на всю жизнь.

Площадка была такой ровной, с такой простой среднерусской полянкой, с обыкновенными простыми деревьями, тёмно-зелёными от окутавшей их тени, а сквозь тёмные простые стволы и такие же тёмные простые узоры ветвей проступала панорама фантастических, ослепительно снежных гор, вид на которые как раз и закрывала эта гора, на которую мы взобрались. Наверное, в эти снежные горы и ушли аланы по своим, только им ведомым тропам, оставив свою уютную долину полчищам татаро-монгол.

Одна из гор выделялась особо: и красиво изгибающимся силуэтом и величиной.

Долгими зимними вечерами в общаге у Калужской заставы в Москве, анализируя карту тех мест, мы предположили, что это была гора Каз...

Глава 7.

Яичница с помидорами

Дни летели один за одним, по выходным нам стали устраивать экскурсии. Возили на строящуюся неподалёку Архызскую обсерваторию. Грандиозное сооружение возводилось на плато на довольно большой высоте, где уже не росло ни кустика и разреженный воздух не должен был искажать долетавшие до земли остатки света далёких галактик. В один из выходных

побывали мы на турбазе Архыз, послушали рассказы альпинистов об их полном опасностей спорте, сами сходили на какой-то перевал, где прикоснулись к краю какого-то колоссального ледника, пофотографировались в плавающих на снегу, а я даже снялся и без плавок... Много было интересного за два с половиной месяца прожитых в этом интереснейшем месте... Но всему приходит конец...

И вот наступил день, в который мы уходили из этой долины древних аланов. Душа уже рвалась у каждого из нас хоть на несколько оставшихся от каникул дней побывать дома, увидеть своих пап и мам. Но чувство какой-то щемящей тоски не покидало нас последние несколько дней, всё-таки каждый из нас оставлял здесь кусочек своей души...

Денег мы в этом отряде почти не заработали, расценили наш труд по строительным расценкам, а ведь мы делали реставрацию, да ещё в раскопках помогли. Получали мы небольшой аванс, а остальное у нас вычли за питание. Билеты нам, правда, всем купили, кто куда заказал и дали по десять рублей на еду и доехать до Минвод.

Чтобы добраться до ближайшей железнодорожной станции, поймали попутку-грузовик. Как только мы выехали из долины, водитель остановил машину и потребовал с нас деньги (мы-то думали он нас так довезёт, кузов пустой у него был всё равно, и ехал он как раз на эту станцию). Денег у нас не хватило и он потребовал, чтобы мы освободили кузов. Тогда Серёга Терехов отошёл в сторонку и о чём-то недолго побеседовал с водилой. Хмурый и недовольный, он завёл машину и мы поехали.

- Чё ты ему сказал? -
спросили мы.

- Сказал, что если не повезёт за сколько дадим, мы сами на его машине доедем без него.

На станции, какие-то бывалые мужики подсказали, что доехать можно до Минвод только на проходящем мимо станции товарняке, который тут не останавливается, но идёт медленно, и на него садиться надо на ходу.

Товарняк шёл не так уж медленно, но тем не менее почти все на него вскочили, только нам с Шошиным не удалось. В последнем вагоне была тормозная площадка, но состав шёл уже достаточно быстро и прыгать на него мы не решились. Следующий состав должен был идти утром.

Стемнело. В страшных, уныло однообразных домах стали один за одним загораться квадратики окон. Каждый квадратик скрывал чью-то судьбу, чью-то чужую, далёкую от нас жизнь.

Повеяло прохладой. Стали придумывать, куда бы приткнуться на ночь. Денег - ни копейки, всё отдали тому водиле, да и вряд ли в этом богом забытом местечке было хоть что-то похожее на гостиницу. Мы подождали пока совсем стемнело и погасли окна на серых пятиэтажных параллелепипедах. Зашли в один из них потихоньку (в те времена подъезды не запирали) и улеглись на лестничных площадках, Шошин между первым и вторым этажом, а я между вторым и третьим. Ночью Шошин поднялся выше меня на этаж: чем ниже, тем было холоднее.

Рано утром наши свернувшиеся калачиком тела растормошила какая-то толстая тётка, страшно нас испугавшаяся. Зато мы не проспали свой товарняк и вскоре счастливо слушали грохот колёс, любуясь из совершенно открытой площадки проносимыми мимо пейзажами.

В аэропорту было многолюдно и шумно. Серебристые самолёты взлетали и садились.

Мне надо было лететь в Воронеж, а Шошину в Куйбышев (Самару). Как мы выяснили оба наши рейсы задерживались не менее, чем на сутки.

Мы поднялись на второй этаж, где с огромной террасы можно было любоваться, как взлетают и садятся воздушные лайнеры. С террасы можно было войти в ресторан, откуда

доносились обалденные запахи. Мы вспомнили, что давно не ели. Стали рыться по карманам и наскребли какую-то мелочишку. С важным видом мы сели за столик, покрытый белоснежной накрахмаленной скатертью, и стали изучать меню, любезно поданное смуглым упитанным официантом. Единственное, на что у нас хватало денег, так это на тарелку борща.

— Официант, — повелительным тоном подозвали мы толстячка. Медленно и гордо, с полотенцем на руке, в которой он держал раскрытую записную книжку он подошёл к нам, другой рукой приблизил к записной книжке, выдавшую виды, шариковую ручку и приготовился записывать наш заказ.

— Две полпорции борща, — произнёс Шошин голосом, как наверное он думал, произнёс бы это племянник Рокфеллера.

— По полпорции не подаём, — ответил официант, глядя куда-то мимо нас в сторону только что совершившего посадку лайнера.

— Ну тогда одну целую порцию, — и вздохнув добавил:

— И две ложки!

Когда мы мгновенно съели борщ, честно и по очереди черпая его каждый своей ложкой, мы поняли, как сильно голодны.

И тут Шошин вспомнил, что где-то в Пятигорске живёт грек Пашка Тузанов, один из немногих, кто не поехал в отряд, какие-то были у них семейные дела.

Через некоторое время электричка привезла нас в Пятигорск. Адреса Тузановых у нас не было, мы просто спрашивали, где живут тут у вас греки, и не знаете ли вы где тут дом Тузановых. Один из греков на какой-то улице, глядя на наши уже занюханые студенческие куртки стройотрядовцев, спросил:

— Это не те ли Тузановы, у которых сын в Москве на архитектора учится?

Радость вспыхнула в нашем сердце, когда он назвал нам улицу и куда примерно надо идти, номер дома он не помнил.

Идя по указанной улице, мы увидели во дворе одного из домов Пашку в кругу своей многочисленной семьи (они собирались праздновать день рождения Пашкиного старшего брата). Во дворе стоял празднично накрытый стол, как будто ждали только нас... Пашка нам страшно обрадовался, да и родители его тоже с гордостью усадили нас за стол, после того, как мы весело фыркая, по пояс прямо во дворе вымылись под умывальником. Одно из блюд, которое подавали, было простое древнегреческое кушанье — ячница жаренная с помидорами, которую мы запивали домашним вином. С той поры это моё любимое блюдо, которое я всегда готовлю сам. Это очень просто: кусочки помидоров слегка обжариваете на подсолнечном масле и заливаете

Сергей Сис
Безнадежное

Ничего не значат дни,
ничего не значат ночи,
жизнь становится короче,
остаёмся мы одни.
Без друзей и без жены,
без здоровья, без награды,
всё, что в жизни было надо,
покрывает свет Луны,
мёртвый лик на мёртвом поле,
ждём чего-то поневоле...
Что ещё отдать должны?
шкуру? кости? бег? побег?
Из ничто в простое пусто...
И как зарево искусства,
Холмик хилый на ночлег...

Лада Петрушина

Ажур судьбы

Ажур решётки городского сада,
Что трогает взволнованно рука.
Вдруг встала, как незримая преграда,
Деля собой пространство сквозь года.

Свидетель человеческих терзаний,
И встреч, и расставаний, и любви.
И вьётся нить причудливых мечтаний,
Узор чугунный, как узор судьбы.

И ритм ажур, как и ритм всей жизни,
Уходит в бесконечность бытия.
Сплетение реальности и мыслей,
Надежд и прошлого, как вижу его я!

Глеб Зинovieв
Любовь, смешавшаяся с бытом

Французский ливень над Парижем,
Разводы на воде, круги.
И солнцем цвет брусчатки выжжен.
И туч расплата за долги...

Чуть слышный звук аккордеона.
Мелодия и септаккорд.
Беспечность смены полутона,
Ведь каждый лицемерен, горд.

Тоска по шумному Монмартру,
Где веселится Мулен Руж,
И жизнь по Жану-Полю Сартру
Забытых всеми винных душ...

Святые чувства вновь убиты
В слащавом дорогом вине –
Любовь, смешавшаяся с бытом,
Ещё живёт в тебе и мне.

Лишь угнетающая пёстрость
Парижских улочек. Сильней...
Сводит с ума на небе звёздность
И свет старинных фонарей.

Тоска по прежнему Парижу,
По ливню над страной любви,
По небесам, что стали ближе
Vers coeur des gens, a mon avis.

Представляем вашему вниманию тематическую рубрику. В ней собраны произведения, посвященные городу. Родному, любимому, городу мечты, любому. В этом номере в тематическую рубрику вошли не только стихи и рассказы, но и рисунки.

Тема «Город»

Иван Глазких

Под тяжестью города

Александр Зенкевич

Просыпается город...

Просыпается город, трамваи идут на восток.
Им поручено солнце встречать на краю небосвода.
Старый дворник из лейки льёт воду на голый песок,
Ожидая, что скоро появятся дружные всходы.

Из квартиры напротив доносится плач малыша.
Ежедневно приходится слышать такое соседям.
Мама тащит потом пацана за собою, спеша,
На ходу объясняя, что делать в саду непооседе.

За окном беззаботно круги нарезают стрижи,
Не давая покоя коту, что сидит на балконе.
Просыпается город, торопится лето прожить,
Это очень непросто в асфальте, стекле и бетоне.

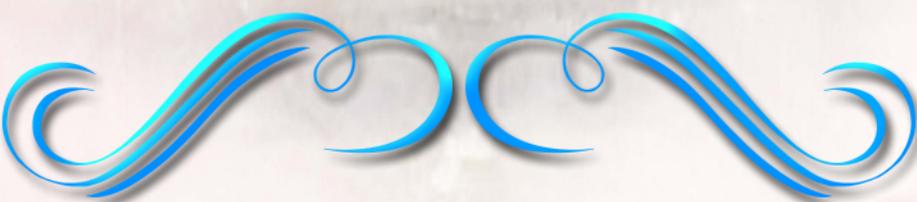

Незванный гость

Сквозь открытую дверь в дом ворвался простуженный Город,
На колени с порога упал, попросил отогреться.
Вид его сжал до боли в груди трепетавшее сердце.
Дверь закрыв, я оставил за ней увязавшийся холод.

Чайник быстро вскипел, есть варенье из дикой малины.
Говорят, от простуды врачует похлеще таблеток.
Гостю я предложил взять любую из трёх табуреток.
Он присев, мне поведал, что стал у людей нелюбимым.

Я внимательно слушал, а он говорил без умолку.
Три часа пролетели, я видел, что Город оттаял.
Он взглянул на часы, не допив чашку сладкого чая,
Не прощаясь, ушёл, поправляя вихрастую чёлку.

Кирилл Сарокин Город, который есть

Есть люди, которые свято верят, что этого города, в действительности, нет и никогда не было. С этим трудно спорить — у каждого своя правда. А для меня он вполне реален. Реален серый плитчатый тротуар под липами и акациями, реален звук шагов и запах сочных листьев, реальны уличные фонари и многоголосый говор. Ничего особенного... Город как город, и всё же — мой город. Самый обычный из обычных, но мой. Серый и хмурый, но мой. Я, наверное, не самый благодарный его отпрыск, потому что не пытаюсь его воспевать и как-то не особенно горжусь своей к нему причастностью. Я даже, — о ужас! — не уверен что подобным фактом нужно гордиться. И всё же мне кажется, что если мой город однажды предстанет перед своим непутёвым сыном в каком-то доступном для восприятия облике и потребует ответа за мою невесторженность, я честно отвечу, что не стыдиться, порой, много сложнее, чем гордиться и что тёплая память бывает гораздо сильнее пылкой страсти. Он должен понять — у него, всё же, большой жизненный опыт.

Рассказывают, люди пришли сюда в эпоху позднего палеолита, где-то между XX и X вв. до Рождества Христова. Мастерили каменные топоры и устраивали облавы на мамонтов. Мамонты сопротивлялись, но, так или иначе, оказались в краеведческом музее. Вместе с теми самыми топорами — довольно бестактно, должно быть, с точки зрения мамонтов. Впрочем, кости мамонтов, каменные топоры, римские монеты, варяжские украшения и своя, домашнего производства, керамика — это всё очень хорошо, но никак не может заменить бумагу с гербовой печатью. На топорах печатей не оказалось, а значит, для официальной истории сии факты сомнительны. Первый же документ, сияющий самой настоящей печатью не такой уж и древний. Апреля двадцать восьмого, года одна тысяча триста семьдесят седьмого от Рождества Христова Великий Князь литовский и русский, он же король польский Ягайло, даровал своему брату Ивану владение княжеством, в коем среди прочих значился и Город. Город был великокняжеским владением — казённым, значит, а не просто так. И руководил горожанами княжеский староста из магнатских семей. Радзивилы среди них, говорят, бывали, Глебовичи, Алельковичи. Всякие. Кто из княжеских рук получал привилегию, кто наследовал, кто денежку платил за возможность поруководить — такие порядки были. Что было в городе в году одна тысяча триста семьдесят седьмом — летописи умалчивают, отмечая лишь резиденцию княжеского старосты в виде укрепленного деревянного замка на горке у слияния двух рек. О том кто и как жил-поживал в городе в те туманные времена мало что известно, но, надо полагать, горожане от теперешних не слишком отличались. Переходил город из рук в руки, бывал в составе воеводств, старосств, войтовств и уездов, но в году тысяча пятьсот сороковом, когда в графстве Девоншир родился мальчик по имени Френсис Дрейк, на карте Европы, изданной господином Мюнстером из города Базеля Город значился вполне явственно.

Так и жили себе со своим деревянным замком, зверьём и рыбой. Имели в году две ярмарки, да изворотливых купчиков с пейсами. Таки да, если уж среди охотников на мамонтов это место считалось прекрасным и высококультурным, отчего богом избранному народу на нём не поселиться? Без татар, само собой, не обошлось, правда, крымских — эти послабее были. Отбивались с божьей помощью. А там Москва на Литву войной ходила. Раз, другой. Тоже жгли по ходу следования что ни попадя. А там ещё Богдан Хмельницкий — украинский борец за самостийность - тоже казачков своих посылал куда глаза глядят: война у них была антифеодальная. В году тысяча шестьсот сорок восьмом прискакал отряд атамана Поддубского, старосту сотоварищи в реке утопили и давай насаждать демократию. Целый год насаждали, пока Радивил не усадил лихих казаков на кол. Миновало будто. Жить бы да радоваться, однако ж царь Алексей Михайлович собрался воевать Речь Посполитую, а захваченные земли нехотя делить с гетманской Украиной, которая тоже была не прочь. И в году тысяча шестьсот пятьдесят пятом

сожгли Город, оказавшийся посреди дороги, дотла. А пожарище так и осталось в составе Речи Посполитой.

С тех пор жилось не сладко. Долго отстраивались да обживались, благо времена были, будто, спокойные. А в мае тысяча семьсот девяносто второго, когда в Нижнем Новгороде родился Николай Иванович Лобачевский, в Петербурге умер Денис Фонвизин, а император Александр I Павлович собрался жениться на принцессе Баденской Елизавете Алексеевне, российские войска перешли государственную границу, начав очередную большую войну. И стал город местечком в составе Российской империи, а после — уездным городом — на гербе российский орёл, да три скрещённые мачты — кроме строевого леса империи взять в нём было нечего.

Говорят, нужно всегда быть готовым к тому, что на тебя вдруг свалится большая куча денежных знаков. Очень большая. Стоит даже подсчитать размер этой кучи и, чем точнее подсчитаны все траты, тем выше вероятность того, что рано или поздно необходимая сумма окажется в твоих руках. Я готов. В любое время суток, в любую пору года. Вот только... Я точно знаю, сколько нужно мне, чтобы не балансировать бесконечно над известной пропастью, но, господи, как это скучно! В моих руках большая куча денежных знаков никогда не появится, потому что, как только в мечтах улажены оказываются все семейные дела я принимаюсь за свой город. Городу нужны новые дороги и тротуары, новые троллейбусные линии и велосипедные дорожки, нужны общественные туалеты, кинотеатры и библиотеки, нужны приличные пляжи, добротные дома, экономичные уличные фонари, сотни газонокосилок, тысячи урн для мусора и завод по его переработке, новенькие автобусы и жёлтые таксомоторы, газонная травка, фонтаны, садовые скульптуры и десятки тысяч саженцев — что-то он уже не такой зелёный, как в ту пору, когда все деревья упирались в небо; нужны подземные переходы, нужна, в конце концов, гранитная набережная, концертный зал и художественная галерея, нужен порядок и «счастье для всех даром».

Я строю новые жилые районы, купающиеся в сочной зелени листвы и пахучем сосновом зное, и переселяю туда общежития. Это нужно для того, чтобы поселить в общежитиях множество строителей, которые приедут сюда со всей страны. Они приедут, потому что работы будет очень много — своих не хватит. Мы будем аккуратно санировать старый город и возводить там современные дома в архитектурных стилях начала прошлого века — так они не навредят. Мы будем — нужна команда, ведь я всего лишь денежный мешок, а кто-то должен заниматься делом и, желательно, не слишком воровать. Ну что уже и помечтать нельзя? Ещё мы будем ремонтировать школы и детские сады — им вечно не хватает внимания на деле. Построим набережную и пляж, а потом придётся немножко вмешаться в экономическую политику — нужно сделать так чтобы мелкий бизнес включился в наш рывок к светлому будущему. И даже не денег ради, просто слишком хорошо мы помним, что значит, когда «всё вокруг колхозное». Пусть работают сами на себя, без лишних налогов. А там посмотрим, когда появится что брать. Одновременно мы будем строить луна-парк и огромную библиотеку и ещё речной вокзал отдельно от старого порта, и ещё гребной канал, и современную больницу, и новую электростанцию, чтобы использовать наши слабенькие ветры и умеренно-континентальное солнце, и уютный гостиничный комплекс и ещё нужно напечатать грамотные путеводители и транспортные схемы, и таксисты чтобы семь шкур не драли. Да, ещё вернуть бы учительский институт... Ну хотя бы каких-нибудь психологов готовить, дошкольников и учителей начальных классов. Студенты-филологи — готовые экскурсоводы. Ну и «город невест» опять же. Чем плохо? А для компании им какое-нибудь военное училище, чтобы будущие нобелевские лауреаты скромно писали в анкетах: «Родился в Городе. Папа — военный, мама — учительница». И ещё... И ещё.

Город бодро шагает мимо меня, увлечённый сомнительной нью-васюковской перспективой, мудро покачивает кронами деревьев, чем-то шуршит и бубнит многими голосами. Да, действительно, пусть строят те, кому важны валовые показатели. Пусть строят. А мне, если уж и повезёт, проследить бы хоть

за тем, чтобы ничего лишнего не разрушили. Если уж повезёт. Вылизать старый город до европейского блеска, восстановить всё, что имеет смысл восстанавливать. С одной крепостью сколько возни... с тем, что от неё осталось...

Империя взялась за дело по-имперски — в 1800 году «сверху» был спущен первый проектный план, согласно которому Город должен был застраиваться. Обыватели кряхтели и подчинялись. Однако, по неизлечимой русской традиции, жизнь градостроительного плана оказалась недолгой — 9 мая 1810 года, когда на свет появился американский изобретатель Винчестер Фишер, Барклай де Толли сообщил о том, что Александр I утвердил план об укреплении Города. На старой замковой горке у слияния двух рек надлежало в кратчайшие сроки построить крепость. Строилась крепость крепостными крестьянами из ближайших губерний, по большому счёту на их же костях, на строительстве работали специалисты со всех концов России, а стройматериалы в Город поставляли все регионы громадной империи. Например, выход через восточные ворота был сооружён из каменных плит, доставленных с Кавказа. На одной из этих плит весом около двух тонн можно прочесть надпись: «...Кавказа... доставлено сие на землю белорусов... апрель, 27 дня 1811 г.». Крепость была первоклассной и город пришлось потеснить. Горожан сносили и переселяли по четырём окраинным форштадтам. Даже городская уездная школа была закрыта в связи с переоборудованием здания, которое она занимала под нужды крепости — уж больно хороши были строения старого иезуитского монастыря. Чтобы спасти школу, композитор граф Михаил Агинский сумел перевести её в своё владение в Молодечно, где разместил в своём дворце.

Горожане строились заново и перетаскивали скарб, купцы кланялись, тряся пейсами, и испрашивали дозволения на торговлю внутри крепости и предлагая услуги по снабжению. Строить в крепости лавки не разрешили, но снабжение и логистика оказались востребованы.

Армия Наполеона появилась в окрестностях Города в конце июля 1812 года. К обороне подготовились основательно: боеприпасов должно было хватить на год, продовольствия — на шесть месяцев. Это для почти восьми тысяч солдат, находившихся внутри крепостных стен. Осаждённый же гарнизон не только охранял крепость и защищал её от французов, но и весьма чувствительно тревожил неприятеля. Планировалось, что гарнизон крепости будет насчитывать 25 тысяч человек, но когда началась война, в крепости находилась всего лишь одна резервная дивизия под командованием генерал-майора Игнатьева, занимавшаяся строительством. Командиру было известно о наступлении французов. Но как себя вести, он поначалу не знал — никаких указаний от центрального командования так и не поступило. Тогда Игнатьев объявил себя комендантом крепости, а в окрестные уезды сообщил, что является городским военным губернатором. В июле 1812 года в крепости дал трёхдневный отдых своей армии Багратион, оставивший там больных и раненых и присоединивший часть гарнизона. После этого крепость была блокирована французскими войсками — сначала отрядом Латур-Мобура, а затем дивизией Домбровского. Впрочем, на протяжении четырёх месяцев овладеть ею так и не удалось: «По выходе из Могилёва маршала Даву и по занятии французами Москвы, польской армии генералу Пакошу, находившемуся в Могилёве, весьма частые из Москвы были от Наполеона указные предписания строгия о принятии всех мер для взятия крепости, дабы непременно взята была и на следующей почте прислан бы был к нему Наполеону рапорт; но как посыланные генералом Пакошем из Могилёва не возмogli крепости взять, то и рапортовать было не о чем; посыланные многократно полки в Город, вместо взятия Города, возвращались разбитыми и лишившимися знамён, орудий и довольнонаго количества воинов своих; сам же генерал Пакош ни одного раза не ходил в Город, отказывался от похода, называя себя больным, не будучи таковым».

По возвращении русской армии из Западной Европы в крепости была расквартирована 9-я пехотная дивизия, в которой служили Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и господа Норов, Тизенгаузен, Трусов, Троицкий, Кузмин, оказавшиеся впоследствии весьма неблагонадёжными. Впрочем, задолго до событий на Сенатской площади группа офицеров крепости разработала один план.

Офицерам было известно, что в августе — сентябре 1823 года в Город на смотр расположенных в крепости частей придёт царь Александр I. Этот момент и решили использовать члены тайного общества для восстания и захвата власти. Планировалось во время осмотра войск захватить Александра I и посадить его в подземелье крепости, самим же двигаться на Санкт-Петербург. Заговорщики рассчитывали, что в случае неудачи за спиной будет сильная крепость, а заложником — сам самодержец. Но... не случилось. Спустя некоторое время, неблагонадёжных лиц в крепости заметно прибавилось, здесь закончили свои дни весьма многие романтики — просто цитадель, оказавшаяся к тому времени довольно удалённой от границ Российской империи, утратила своё оборонительное значение и превратилась в каземат. В 1886 крепость стала складом, а в 1897 и вовсе ликвидирована как оборонительная единица. Здесь проходили «воспитательную» службу матросы Балтийского флота, наказанные за революционную деятельность. А в потом крепость стала «лагерем смерти»...

После второй Мировой Войны долго не могли решить, как использовать цитадель и в начале пятидесятых годов приняли решение — уничтожить. Но динамитные заряды наносили столь незначительный урон, что от затеи пришлось отказаться. Позже, вернее, когда стало уже поздно, крепости был присвоен статус памятника архитектуры.

Город рос, расползлся от крепости, сажал сады со знаменитыми яблоками, терпел от пожаров, отстраивался.

30 октября 1837 года Николай I Павлович, сидя в своей карете, водружённой на грузовую платформу, впервые проехал из Петербурга в Царское Село по рельсам. А в августе 1851 года, когда Исаак Зингер довёл своё изобретение до практически современного вида, был готов специальный поезд и Николай отправился на нём в Москву по только что проложенной Николаевской железной дороге и на радостях, надо полагать, повелел освободить из Городской крепости разбойника, замурованного в одном из казематов больше десяти лет назад..

В 1843 родился создатель двигателя внутреннего сгорания — Готтлиб Даймлер, а Городская полиция почтеннейшее имела честь докладывать, что «в Городе фабрик и заводов не имеется и в 1843 году в постройке не было».

В 1848 через город прошла шоссейная дорога Москва — Варшава.

В 1856 случился большой пожар.

В 1861 француз Пьер Мишо установил педали на переднее колесо велосипеда, а в Городе поселилась племянница Александра Сергеевича Пушкина Наталья Александровна Воронцова-Вельяминова, основавшая позже библиотеку имени своего дяди и подарившая городу будущего предводителя дворянства. В году 1924 обедневшие правнуки поэта ходатайствовали в народный суд о подтверждении их родства и освобождении по бедности от уплаты пошлин и сборов. Просьба их была удовлетворена.

А в сентябре 1873 над городом впервые разнёсся гудок паровоза и яблоки стали добираться до Питера, Самары, Варшавы и Пензы значительно быстрее.

В 1901-м небывалый пожар уничтожил большую часть города — после строительства крепости запрещено было строить за её пределами каменные здания, дабы вероятному противнику негде было укрепиться. К началу XX века большинство домов в городе всё ещё были деревянными. Известие о таком пожаре облетело всю империю и даже Николай Александрович прислал городу пятьдесят тысяч рублей от себя лично.

В тысяча девятьсот третьем Алексей Николаевич Крылов разработал классические принципы непотопляемости корабля, а в Городе открылась первая общественная баня.

События года одна тысяча девятьсот пятого в Городе ничем особенным не ознаменовались. Зато в 1916, когда в Париже умер русский иммунолог Илья Ильич Мечников, государь-император Николай II посетил Город, ставший в ту пору прифронтовым.

Через два года на тот же вокзал прибыл агитпоезд «Октябрьская революция» во главе с Михаилом Ивановичем Калининым... Потом была польская оккупация, затем немецкая, снова польская и только в июле 1920 «жители города радостно встретили красноармейцев». Пришла долгожданная свобода, принеся с собой незначительные издержки в виде антирелигиозных кампаний, коллективизации, индустриализации, многочисленных комитетов, охоты на вредителей, шпионов, эксплуататоров и врагов трудового народа. Теперь город стремительно превращался в промышленный центр. Ремесленников сгоняли в артели, артели преобразовывались в заводы и фабрики. Паровые машины, электростанция и телефоны сразу почему-то перестали работать, но соответствующие враги за это поплатились. Жизнь налаживалась. Город мостил улицы, строил многоэтажные дома, фабрики и заводы: фанерный, лесопильный, маслособойный, дрожжевой, машиностроительный, гидролизный. Ходили на субботники и демонстрации, заседали в комитетах, подписывались на государственные займы. Жили. В крепостных казематах под шум автомобильных двигателей постреливали во врагов народа. Отправлялись в далёкую Испанию. Гадали, будет ли война. Многие оказались правы.

Город оккупировали 28 июня 1941 года. В то время в нём насчитывалось восемьдесят четыре тысячи жителей, семьдесят из них – евреи... И крепость оказалась весьма удобным казематом для военнопленных.

Ровно через три года, 29 июля 1944 года «войска 1-го Белорусского фронта стремительной атакой с трёх сторон ворвались в Город и в результате ожесточённых уличных боёв очистили город от немецко-фашистских захватчиков. Немецкие войска, окружённые в районе Города, предприняли яростные попытки вырваться из «котла». Под ударами советских частей противник откатывался назад, устилая поле боя тысячами убитых солдат и офицеров. Советские войска полностью ликвидировали окружённую вражескую группировку. Взято в плен 18 000 немецких солдат и офицеров. Захвачены большие трофеи».

Освобожденный город представлял собой горы щебня, с населением чуть больше двадцати восьми тысяч человек...

В который раз горожане начали с чистого листа. Осенью сорок четвёртого дети уже пошли в школы, а предприятия стали давать первую продукцию. И снова мостились улицы и строились новые дома, высаживались сады, прокладывались телефонные провода, запускались электростанции и новые промышленные предприятия. Тяжёлые военные пятилетки сменялись ласковой оттепелью и благодным застоём. Светлым головам в столице Империи пришло в голову построить в Городе, за тысячи километров от ближайших сырьевых баз, крупнейший в Европе шинный комбинат. В городе появились первые спальные районы, вместившие в себя население ближайших деревень, первый и последний подземный переход, два троллейбусных маршрута, а на гербе города имперского периода появилось изображение покрывки для карьерного самосвала.

Потом герб вернулся. Вернулись церкви. Вернулись вывески над мелкими лавками. Старый центр стал очень похож на фотографии самого себя сто лет назад, а из всех многочисленных изваяний Владимира Ильича, коих, говорят, в городе было больше, чем во всех иных городах империи, остался один, под бдительной охраной ЮНЕСКО.

Город меняется и остаётся прежним. Поднимает новые, пахнущие свежим цементом, стены и сочится старыми воспоминаниями. У него свой воздух, свои запахи, свои бессвязные, как во сне, мысли. Иногда стоит выйти из дому и они обнимают словно горячий воздух жарким летом. Укутывают. Высвечивают какие-то невзрачные перекрёстки и скверики, ярко и чётко вычерчивают щели между тротуарными плитами, обрисовывают контуры давно знакомых домов и деревьев. Город застывает посреди собственной суеты и время бежит как-то не так и что-то тёплое проскальзывает под одеждой.

Улицы.

Перекрёстки.

Площади.

Каштаны.

Терпкие весенние запахи. Скамейки в скверах. Фонари. Троллейбусные маршруты...

Сюда когда-то забирался мальчишкой на велосипеде. Повздорил с местной шпаной.

А здесь был тир, устроенный в древнем троллейбусе с забранными металлическими листами окнами. Мне подставляли скамеечку, чтобы мог дотянуться до барьера, а отстрелявшись, я каждый раз о ней забывал и падал.

А здесь, на конечной остановке едва ли не всех автобусных маршрутов стоял ряд автоматов с газированной водой. Монетки...

Монетки ещё долго были в ходу в большом зале игровых автоматов. «Пятнашки» играли роль жетонов. Их покупали в кассе за стремительно дешевеющие маленькие разноцветные денежки с изображениями зверушек. Смутные времена...

Смутные.

Стихийные базарчики у всех магазинов. Сетевой маркетинг. Дряхлые иномарки. Разбитый асфальт, новые вывески и наивная реклама. Городская «стометровка» на выезде из города у автобусной остановки. На остановку приезжал маленький служебный автобус, чтобы забрать нас, курсантов городского аэроклуба. На стене аэроклуба висела мемориальная доска в честь одного из выпускников — Бориса Ивановича Ковзана — единственного в мире лётчика совершившего четыре воздушных тарана.

Площадь с фонтаном. Последнее тепло осенних вечеров. Стайки парней и девчонок, огоньки сигарет. Сумерки журчат нестройными струями фонтана. Неровные тротуары с крупными камушками, торчащими из асфальта. Маленький пустырь на углу. Посреди пустыря много лет лежал почерневший ствол огромного тополя. Через него нужно было перелазить... Массивный четырёхэтажный дом с внутренним двориком и проходными подъездами — в 1932 его называли «Дом коммуны». Мы прощались у подъезда во дворике и я был уверен, что она выходит с обратной стороны, но ни разу не проверил, уважая чужой секрет...

Первые мощёные плиткой тротуары.

Новые дома.

Новые вывески.

Новые транспортные маршруты.

Свежие, яркие цвета...

Старые улицы, старые каштаны, вековые лужи и вечные терпкие запахи весны... Город живёт. Теряет исконное население, переваривает окрестные деревни, подминает чахлые пригородные леса. Растёт, пусть даже раковой опухолью, разбегающейся метастазами. Растёт. Мостит тротуары, поливает пыльные улицы, развешивает новые вывески, меняет старые стропила, косит газоны и расставляет урны для мусора, сажает деревья, чем-то шуршит и бубнит множеством голосов. Это мой город.

Бобруйск, который есть.

Кэт Кудинава
Под луной

Наталья Когенцова
Вечер в городе

Вновь город печально огнями сверкает
И улицы шум, тусклый блеск фонарей.
Капелью дождя старый день истекает...
Секунды, минуты струятся быстрее.

Решетки из окон, дверей и подъездов,
Дома, словно, улей, лишь выхода нет.
В какой-то момент жизнь стает бесполезна,
Но глупым становится в небо побег.

И мы суедемся, стремимся, и плачем,
Что жизнь так жестоко порою казнит.

Уйдем и вернемся, ведь счет не оплачен.
Свет лампы в глаза, боль в ушах зазвенит.

Тоски отголоски на сердце играют...
Мы пишем стихи, ставим свечи в церквях,
А дома нагреем с лимоном мы чаю
С собой поболтаем, и то второпях.

А город, как клетка, замки закрывает,
Не вырваться больше! Покой не теряй!
Вечерним кино пустоту заполняя,
Лишь изредка в трубке "Люблю! Не скучай!"

Лада Петрушина

Императрица Прага!

Седой парик, остатки пудры,
Твоих соборов кружева.
Печальный взгляд, но очень мудрый.
О, Прага, ты ещё жива!

Императрица на покое,
Но все ж блистательная, ты!
Европа без тебя не стоит
И половины той цены.

Твоё величье не угасло,
С годами лишь видней оно.
Переживанья все напрасны,
Оно как старое вино.

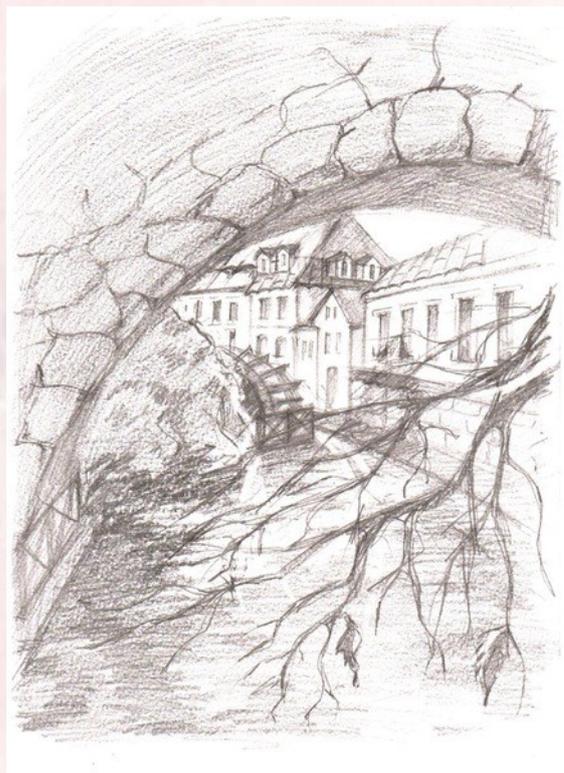
Ценней, насыщенной, прекрасней,
Твоим победам не вредит,
Ведь зрелость чувственней и страстней,
Чем юной молодости вид.

Влюбилась я в тебя навечно,
В твои соборы и мосты.
Как злое время быстротечно,
Так вечна в этом мире ты!

Лада Петрушина

Венеция

Лада Петрушина Прага

Венеция

Венеция, как куртизанка
Одета в цветные тона.
Прекрасных фасадов обманка
И белых окон кружева

И стан её гибок и тонок
Затянут шнуровкой мостов.
То скромницей прячется в полог,
То блещет величьем дворцов.

Парча и шелка карнавала,
Сусальное золото гондол.
И как бы вода не спадала,
Полощет в каналах подол.

И, томно потупивши глазки,
Пленяет своею красой.
И словно принцесса из сказки
Мечтою парит над водой.

Тема «Горы»

Евгений Бем

Ирина Брагинская

Сенная площадь

На Сенной у метро барахолка,
Туда с бабушкой вместе пойдём.
-Замолчи хоть на миг, балаболка!
Не мешай торговаться. — Почём?

Загорелись глаза... У цыганки
«Петушков» разноцветный букет.
Ах, какая детишкам приманка!
— Ты отравишься! Дай мне пакет!

Водопадик из яблок румяных,
Отправляет в авоську дедок.
Умираю от запахов разных -
Там со сдобой рядом лоток.

— Купи, бабушка, мне апельсинку
И ту плюшку, орешков кулёк...
— Да смени, наконец, ты пластинку!
Денег нет, неужель невдомёк?

А кругом разгораются страсти.
— Сбавьте цену! Дешевле чуток!
Тут хурма, апельсины и сласти
Бойкой ругани льётся поток.

Тут старушки в залатанных платьях
Продают «зеленушку» в пучках
И храпит, развалясь на асфальте
Гражданин «подуставший» в очках.

Шум и гам, суета, суматоха...
Жизнь кипит, как в кастрюле бульон.
И вдруг кто-то сказал — Это плохо!
Уберите! Кошмар, моветон!

Я на станции вышла «Сенная»
Чинно кружит прохожих поток...
Барахолка! Ну где ты, родная?
Есть лишь в памяти твой закуток...

Петербур, любимому...

Парусом касаясь облаков,
Ты летишь в весеннем мглистом небе,
Будто нет совсем земных оков
В городе, где быть живёт и небыль.

В городе туманном, невесом,
Дух Петра спускается на плечи.
Мне б хотелось помечтать вдвоём
В светлый, нежный и прозрачный вечер.

Постоять у мокрого коня,
На змею ступившего отважно.
Нет дороже места для меня,
Места, где и важное не важно.

Мне б, обнявшись с львами на мосту,
Прислонившись лбом к кирпичной кладке,
Позабыть мирскую суету,
И понять - со мною всё в порядке!

Ведь на свете места лучше нет
Для меня, хоть видела немало.
Я с тобой хочу встречать рассвет.
Боже, как я без тебя устала!...

Лада Петрунина

Петер

Евгений Базаров

О чём говорит море?

Море было беспокойно. Какая-то печаль слышалась и в плеске волн, накатывающих на берег, и в шуме ветра. Одинокая птица в небесной глубине тревожно говорила резким скрипучим голосом. Старик прислушался. В такие моменты, если закрыть глаза и почувствовать свои дрожащие внутренности, можно узнать, о чём говорит море. Где-то далеко люди на больших стальных кораблях плыли из одного конца света в другой, но вместо моря видели лишь воду.

Вот уже почти пятьдесят лет подряд старик приходит сюда рыбачить, но кажется, что море до сих пор скрывает от него свою главную тайну. Со временем тело юноши пропиталось солью и запахом рыбы, ладони огрубели и стали коричневыми, глаза потеряли зоркость, но в руках ещё оставалось много сил. Эй, ветер, не трать понапрасну силы, пытаясь свалить меня с ног, лучше отправляйся служить человеку - крутить мельницы и надувать паруса! Мысли старика сейчас потеряли обычную безмятежность, как водная гладь перед ним. Сильные руки терпеливо тянули невод. В сети билось несколько крупных рыб, похожих на пленных воинов в серебряных кольчугах. В благодарность морю старик отпустил одну рыбку обратно в воду. Плыви, расскажи всем на морском дне о встрече с человеком. Рыба, вильнув хвостом, исчезла. Старик ещё немного постоял, глядя на волны, потом взвалил на плечи мешок со снастями и уловом и пошёл домой. Море что-то сказало, наверно прощалось. По дороге старик думал, что будет, когда он умрёт? Куда исчезнут все эти привычные вещи? Может быть, на том свете найдётся море, хотя бы в половине этого? Было бы хорошо.

Увидев его ещё издали, старуха поспешила выйти на крыльцо. Тихонько всплакнула, сама не зная почему, промокнула глаза платком. Оставаясь дома одна, она беспокоится за мужа, между хозяйскими заботами часто подходит к окну и ждёт. Так и проходят её дни.

Старуха сняла с плеча подошедшего мужа поклажу, окутала тёплым взглядом, обняла слабыми руками, положила уставшую голову на грудь.

На столе уже дымилась наваристая похлебка в простой миске. И всё остальное в доме тоже было просто в самой своей сути, как природа, будто появилось само по себе или выросло из земли. Ощущая внутри души тепло, старик сел за стол. Ели молча. Да эти двое уже не нуждались в словах, изредка говорили только что-нибудь доброе, ощущая в этом необходимость. Хлебая горячую уху, старик снова думал о море. У него есть старуха, а у моря нет никого, только рыбы немые. Как может существовать оно одно? У каждого имеющего сердце должен быть друг для утешения. Чтобы он думал о тебе, потому что если о тебе никто не думает, значит, тебя нет.

— Старая, ты, о чём думаешь?

— О тебе думаю, ты передо мной сидишь, о тебе и думаю. Чего мне о другом думать?

— Думай, а я буду о тебе.

День погас как восковая свечка, за окном сгустились густые, как кисель, сумерки. Обычным порядком наступила ночь. Старик и старуха уснули, слыша рядом дыхание друг друга, и на целой Земле не было больше ничего.

Наступило утро, обещая всем людям что-то хорошее, солнце поднялось на небо, даря свет и заставляя мелкое и большое жить. Старик проснулся в смутной тревоге, пошевелил своим истёртым о время телом, вдруг, пока он спал, жизнь вылетела из него, как жар из остывающей печки? Нет, всё было на месте. Но рядом стояла тишина.

— Эй, старая, ты чего не дышишь?

Старуха лежала с открытыми глазами, равнодушными теперь ко всему, улыбка застыла на губах, дыхание её остановилось навсегда. Ещё не совсем осознавая своё сухое горе, старик беспомощно сидел на краю кровати, трогал руками холодное тело старухи, надеясь ощутить привычное тепло. Так он просуществовал до ночи, потом поднялся и, не чувствуя себя, пошёл к морю. Оно и сейчас в темноте под жёлтым лунным светом, шептало о своей печали.

Через неделю сюда пришли люди. Они обнаружили сумасшедшего старика, грязного, на грани истощения, тот сидел на берегу и, казалось, разговаривал с водой. Рядом с ним лежало полуразложившееся женское тело. Старика поместили в сумасшедший дом на лечение, где он пробыл несколько дней. Всё это время он провёл, забившись в самый дальний угол, где его и нашли однажды утром. Умер он возможно от тоски.

Наталья Каденцова

Ты сбудешься...

Ты сбудешься когда-то невзначай,
в январский вечер снежною порой.
И будет приглашение на чай,
ответ сквозь смех: "Конечно, дорогой!"

Ты сбудешься и я скажу: "Встречай!"
"Я ждал тебя десятки долгих лет..."
И за улыбку спрячется печаль,
на "да" умножив приторное "нет".

Ты сбудешься без горького прощай,
утихнет вьюга - станет вдруг теплей...
Укор молвы? Но ты не отпускай,
не оставляй незапертых дверей...

Ты сбудешься и скажешь: "Не скучай..."
Сорвешь губами сказочности миг.
Замедлит бег лукавый календарь,
напишем мы о счастье новый стих...

Город жемчужной любви

Море дышит уютной лазурью,
тихо шепчется с небом волна.
Солнце глазки кокетливо жмурит
и колдует в душе тишина.

Пусть сентябрь и утром прохладно —
море чуткое лето хранит.
Скоро станет прекрасно-нарядным
город нежно-жемчужной любви.

Скрыттир Ворг

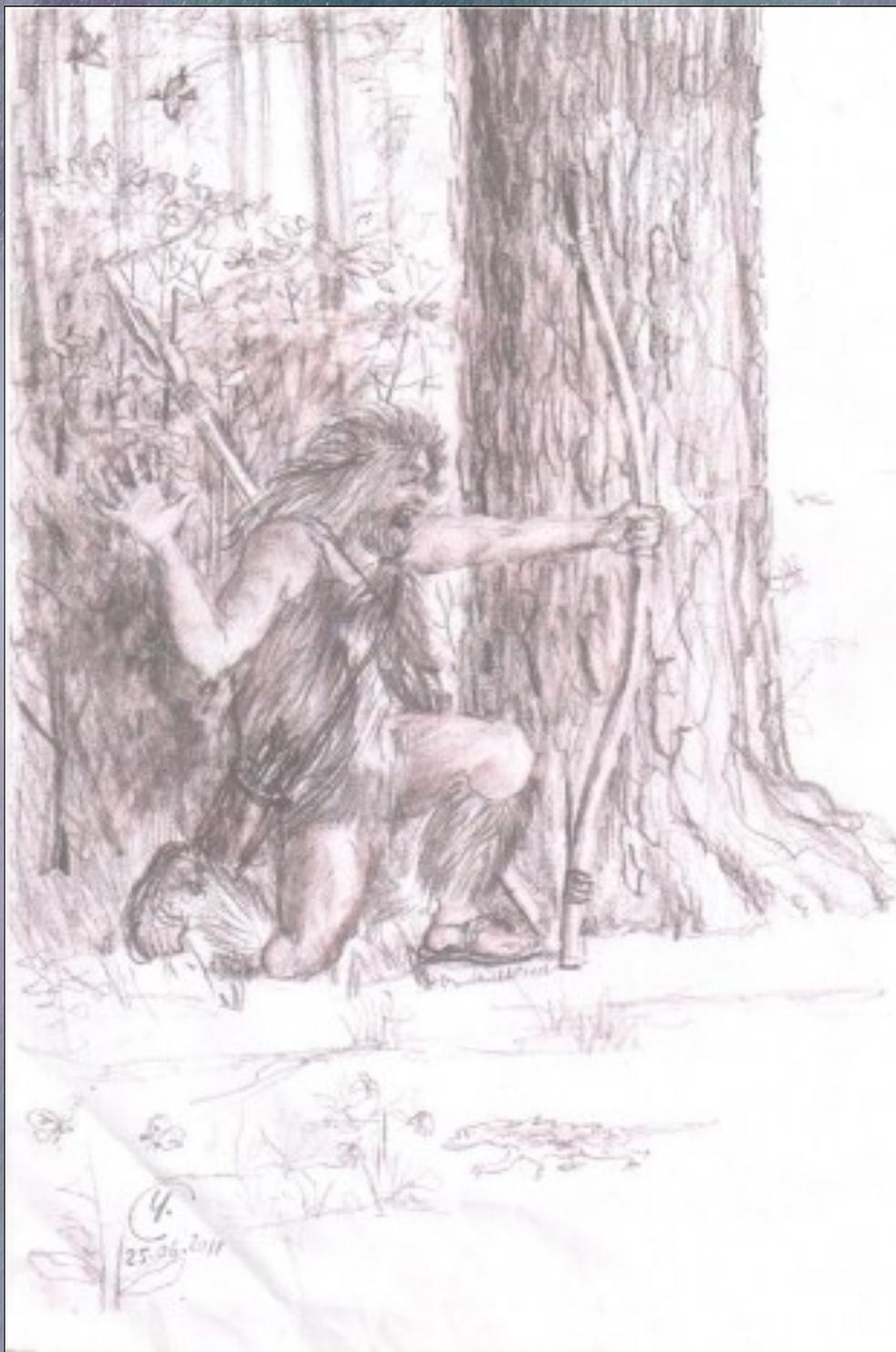
Чума

Воронье о трех главах
Тянет запах тлена,
И бежит, не чуя ног,
В страхе чья-то тень.
Здесь ночами гром копыт
Сотрясает стены —
Навьи конные разят
Стрелами людей.
Тех, кто умер до утра,
Днем не хоронили,
Но палят еще живых
В собственных домах.

Превращаются поля
В братские могилы,
И танцует среди них
Тошная чума.
Погребальный вьется плат
Гневной божьей плетью,
И кричит могильный смрад
С выцветших страниц,
Как живьем у матерей
В чреве гнили дети,
Как не брали души в рай
Из-за черных лиц.

Сергей Чуднов

Конкурс «Автопортрет»

Группа «Я пишу» является одним из смежных проектов, и на страницах нашей газеты нередко появляются произведения победителей конкурсов, проводимых на базе этой группы. Вот и в этот раз вашему вниманию будут представлены стихотворные и прозаические тексты победителей последнего конкурса в группе «Я пишу», который назывался «Автопортрет».

Конкурс был экспериментальным, как, отчасти, и все остальные конкурсы в группе. Особенность конкурса «Автопортрет» в том, что произведения подавались на конкурс анонимно, и оценки конкурсным произведениям жюри и читатели выставляли, не зная авторов.

Конкурс был приурочен ко дню рождения группы и проводился с 29 октября 2011 года по 26 декабря 2011. Ниже вы можете прочитать тексты, занявшие первые места в номинациях «Стихи» и «Проза».

Михаил Герганников

Две любви к жизни

Никогда раньше я не задумывался о том, что действительно люблю в жизни. Это всегда казалось более чем очевидным — рассказываешь об этом друзьям, коллегам, девушке, пишешь на страницах социальных сетей, но как-то не вдумываешься. На автомате. Хобби — такое-то, жизненные приоритеты — такие-то. Как заученные вопросы для строгого экзаменатора. Вот только люди ошибаются, когда считают, что этим экзаменатором выступает тот, кто тебя слушает или читает.

На самом деле им оказываешься ты сам.

Что же я люблю? Не пойму...

Я люблю домашний уют. Люблю пить горячий чай с корицей, сидя на подоконнике и глядя, как на карнизе вырастает небольшой сугроб от непрерывно идущего снега. Люблю читать рождественские сказки Диккенса, возвращаясь в тёплую квартиру с мороза. Я люблю, когда в квартире много людей.

Нет, нет... Не может быть, чтобы я любил уют. В смысле, всё, что я сказал, конечно, правда, но ведь есть и иной аспект моей души. Зачем же я уехал поступать в институт другого города, если к самой будущей профессии был почти равнодушен? Ведь не из-за этого «почти»? Может, потому, что я люблю приходить на вокзал с дорожной сумкой на плече и с замиранием сердца ждать, пока не подадут поезд?

И всё же, я люблю уют. Люблю удобства: мягкий диван, большой телевизор, чай в тонкой фарфоровой чашке с блюдцем...

...или в большой кружке, из которой в общежитии мы пили всё, на что хватало денег? Я же любил эту товарищескую жизнь в комнате, где официально живёт три человека, а на самом деле — пять, причём один из них — девушка... Любил свободу, избавление от опеки родителей, пирушки до трёх ночи и лекции, на которых требовалось собрать в кулак всю силу воли, чтобы только сладостно не захрапеть. Любил неправильно, нерационально тратить деньги, а потом питаться заварной вермишелью и пюре, похожим на клейстер.

Но нет, тут я слукавил. Я любил не эту еду, а то, что она символизирует — возможность собственного выбора, каким бы он ни был. Вкус свободы иногда становится вкусом лапши с запахом курицы, но оттого, как ни странно, не утрачивает своей прелести. Особенно первое время.

А может, исключительно первое время?

Что до еды, то вообще мне куда больше по душе горбуша, запечённая в духовке под луком и морковью, курица, тушенная под сливочно-чесночным соусом, говядина, отваренная со специями, свежие булки с корицей и некоторые другие домашние вкусности. Ведь только дома, в руках родителей, эти такие разные продукты вдруг соединяются вместе, наливаются соком, становятся румяными, аппетитными и такими ароматными, что на обед не нужно звать — вся семья одновременно хлопает дверями, устремляясь на кухню.

Но долго ли эти кулинарные прелести могут удержать дома молодого парня, который хочет жить сам? На пару дней, может — на неделю, но не больше. Если же приходится остаться на месяц или даже два, то уют теряет свою прелесть, сменяясь тоской. И кажется, что настоящая жизнь осталась где-то там, в другом городе, а здесь — так, болото, скука и застой.

Проходят эти месяцы, и я рвусь в негостеприимную среду моей учёбы. Дешёвый алкоголь, хлопки друзей по плечу — ура, мы снова вместе, приехали из разных регионов страны! Любил ли я это? Любил...

Однако не всё коту масленица. Весёлые дни проходят, и учебные дни наваливаются тяжестью истрёпанных томов профильных изданий. Учёба... Боже мой! Тоска! Здесь всё враждебно — ветер холоднее, чем дома, в столовых кормят чем-то бесформенным и на вкус похожим совсем не на то, что значилось в меню, а преподаватели приезжают с обеденного перерыва на новеньких иномарках и долго жалуются на то, как сурово обошлось с ними государство.

И всё же — свобода! А свобода стоит многого...

Или не стоит?

А что она — эта свобода? Красивое слово, срывающееся с уст главных героев всех приличных американских фильмов? Нет, там что-то другое, абстрактное и неопределённое, а здесь, у меня, она близкая, понятная, её можно вдохнуть с холодным воздухом, выпить с дешёвым коробочным вином...

Но проходит ещё полгода. Где же она, свобода? Для человека, всего пару лет назад вырвавшегося из-под просторного родительского крыла, эта жизнь всё ещё кажется довольно колючей. Хочется тепла... Любви!

Влюблённость, поцелуй на вокзале, разочарование, другая влюблённость, поцелуи в подъезде, ссоры. Новый вкус свободы! И первый вкус душевной муки любовного спектра.

Хватит, наигрались. Разбежались. Устал. Хватит свободы. Возьмите под крыло на пару дней...

Конец учебного года. Снова уют. Полегчало, отошло... Здесь жизнь, здесь те, кто никогда не бросит, не разочарует, не сделает больно, по крайней мере намеренно.

Что, неужели снова надоело? Прошло-то всего полтора месяца... Снова свободы? Дружеских объятий? Лёгкого алкоголя? Или уже не лёгкого?

И снова я нахожу причину полюбить свободу. А через пару месяцев - причину полюбить домашний уют, заботу, покой и размеренность. Это что же, я как Хоббит у Толкиена? Помню, он тоже страдал от разноплановых желаний: одна его часть хотела прилично жить в своей норе, как живут все приличные хоббиты, другая же скучала от бездействия и хотела отправиться в путь. Правда, большую часть своей жизни первая часть его души успешно побеждала вторую, но когда появилась возможность, когда его чуть-чуть подтолкнули...

А что подтолкнуло меня? Чего я хотел? И что в конце концов победит — желание отправиться в путь или осесть дома? Да, и что же я всё-таки люблю?

Одно я мог сказать точно: я люблю вокзалы. Когда я уезжал из дома, вокзал был

символом моей личной, свободной, необозримой жизни, обещающей тысячи новых удовольствий и непробованных ощущений, когда же ехал домой — символом прочного, устоявшегося уклада тёплой и сытной жизни, которой так не хватает иногда.

Запах жжёного угля, перестук колёс и мерное раскачивание вагона всегда были предвестниками перемены. Они обещали мне другую, лучшую жизнь, хотя обе эти жизни уже давно были мне знакомы. Я засыпал в одном мире и просыпался в другом, надеясь, что уж теперь-то в моей жизни появится что-то новое.

Слишком много времени ушло на то, чтобы понять, что я застрял между этими мирами, и чтобы моя любовь к этим жизням не была столь эфемерна, не таяла от прикосновения, мне нужно было начать новую жизнь, создать свой мир, в котором уживались бы уют и новизна ощущений.

Это почти получилось на последнем, шестом году моего обучения. Я всё ещё жил в другом городе, но тот уже перестал быть совсем чужим. В какой-то момент я понял, что знаю этот город куда лучше своего, родного. Я также жил в общежитии, но уже один. Другой этаж, другая комната, мои условия во всём. Возможно ли привнести сюда уют? Я попробовал, почти получилось. Почему «почти»? Просто я всегда равнял уют по меркам дома, в котором вырос, и снизить планку уже не мог.

Закончилось обучение. Отгремели аплодисменты, отхрустели свежие дипломы. Куда теперь? И в этот момент судьба как будто сделала выбор за меня.

Не мой город. Но и не этот. Третий, в котором я никогда не был, но в который должен поехать. Новая перемена, неожиданная, даже шокирующая — но почему-то приятная. Оказывается, я и это люблю.

А ещё говорят, что Бог не бросает кости...

Как Инь и Янь, уживаются во мне две мои любви к жизни. Одна хочет проторенного пути, другая — неизвестности. И то, и другое я люблю. Потому что и то, и другое составляют одну большую, хоть и непонятную, любовь к жизни.

И снова — запах жжёного угля, сумка на плече, неизвестность впереди. Одна половина моей любви жить радуется и скачет по всем углам моей души, другая сидит, нахмурившись, и недовольно наблюдает за первой. Ждёт, что будет дальше.

Когда экзаменуешь самого себя, оказывается, что ответов на большинство вопросов ты так и не подготовил. Всю жизнь, казалось бы, знаешь, что тебе не нравится, что тебя бесит, а потом твой мир переворачивается и оказывается, что ты сам себя не знал. Терпеть не мог курящих блондинок, одевающихся как проститутки? Так влюбись в одну из них! Думал, что понимаешь своего лучшего друга? Так стань его худшим врагом!

Кто-то снова и снова бросает кости, и ты понимаешь, что, пока ты уверен лишь в том, чего не любишь, ты не знаешь себя. Это не твёрдая основа, не бетонный фундамент — лишь прозрачная стенка песочных часов. Узнавать себя можно лишь отталкиваясь от того, что любишь.

А когда наконец-то понимаешь это и пытаешься понять, то словно попадаешь в дурной сон. Здесь всё не так, как ты предполагал, и ты уже не тот, кем видел себя со стороны.

Но желание узнать себя, неистребимое человеческое любопытство не даёт тебе бросить начатое. И ты идёшь вперёд, заранее зная, что ответ тебе не понравится.

Так что же люблю я?

Если бы я был философом, я бы сказал, что люблю не цель, но путь к ней. Наверное, это бы многое объяснило. Но в моём мозгу крутится другая мысль, куда более простая и вредная, не дающая мне покоя, хотя, если хорошенько над ней поразмыслить, становится видна её

несостоятельность. Наверное, она родилась ещё тогда, когда мы с друзьями сидели на тесной кухонке их съёмной квартиры и вели разговоры ни о чём. Или же поводом для её появления стали размышления моего одноклассника, который часто повторял, что хорошо там, где нас нет. Зеленеет всегда на другом берегу.

И, хотя эта мысль глупа и относится к тем банальностям, которые частенько повторяют подростки, пытаюсь выглядеть умнее, хотя она не выдерживает критики и не является полезной, её присутствие навязчиво, и я знаю, что избавиться от неё будет совсем непросто.

И вот опять я шагаю по перрону, уже ощущая, что нахожусь между привычными мирами, но не понимая, в каком из них хочу остаться надолго, а в голове упорно крутится мысль: «Я люблю то, чего у меня нет».

Стефания Данилова

Это же глупаааааа!

У меня есть мама, две кошки, своя комната, и окно, что выходит во двор промокший и выплескивается в блокнот. Я учусь, of course, на бюджете, мне важнее phonetic smile, чем неглаженные манжеты и штанинная бахрома. Я уже не малюю стрелки — экономлю минуты сна, дико хочется бить тарелки и орать, что кругом весна - но в агонии бьются лужи, превращаясь в сырую хлябь. Я кричала бы, но простужен голос мой и чертовски слаб.

Я кричала бы о насущном, что сигарою прожжено - как боюсь оказаться скучной, как не выгорит стать женой — бросит, бедный, на полдороге, сам запрыгнувший в руки приз, я — экранная недотрога, неудавшийся декабрист; посиди, дорогой, с ребенком, я бегу на квартирник в семь, а жена — под одну гребенку скромно выстрижена, как все. Ей выстирывать и готовить, и блюсти очевидный долг — я же, знаешь, совсем не то ведь, из меня не выходит толк.

Из меня не выходит даже, а выкрикивается навзрыд - вот бы замок с блестящей стражей, вроде был, да давно уж срыт.

Ни стабильности, ни покоя. Покоряю дождливый сквер, настроение никакое, разум прёт по ночной Москве. В поезд, в шапку-перчатки-куртку, в серединочку декабря, тамбур красить углём окурка — ощущая, что всё — не зря. И облизывать, как целуясь, фильтры импортных сигарет, зная: в окнах московских улиц - те, кто может тебя согреть.

Я кричала бы о постылом, об отсутствии перспектив.

Кто-то бросит: Чего застыла? Дай другим, наконец, пройти.

Меж проклятий и зуботычин, я останусь здесь до тех пор, пока Бог не поставит лично мне сработанный светофор.

Боже, Боже, молю, послушай, дай наводку, дай знак, дай шанс.

Лень ему вынимать наушник —

больно сладок осенний джаз.

Сергей Чубуков

Михаил Соболев

Возвращение

Стриженный под машинку седой мужчина сидел на плоском, наполовину вросшем в берег валуне и задумчиво наблюдал за работой сплавщиков. С наветренной стороны чадил разведённый им дымок. Густой и белый от брошенной на угли охапки гнилого камыша ядовитый дымок ел глаза, щекотал ноздри, но сатанеющий у воды гнус почти не отгонял. Одет мужчина был просто, по-дорожному: в дешёвые потёртые джинсы, лёгкую серую матерчатую куртку на «молнии» и стоптанные сине-белые кроссовки. В раскрытом ворота рубахи синел полосатый треугольник тельняшки. Сероватая нездоровая кожа лица, глубокие носогубные складки и седина могли бы принадлежать человеку, прожившему долгую жизнь. Но приглядевшись внимательно к тому, как он точными экономными движениями управляет с костром, как упруго перекачивались мышцы под тонкой материей куртки, становилось видно, что мужчина на самом деле молод. Что ему едва ли больше тридцати. Что старили его не годы, а, скорее, пережитое. И курносое лицо его с высоким лбом, твёрдыми скулами и плотно сжатыми волевыми губами располагало к себе внутренней силой и уверенностью. И было бы оно даже по-мужски красивым, если бы так явственно не проглядывала грусть в его глубоко запавших глазах, глядящих на мир исподлобья. Синих, пока мужчина любовался открывающимся с этого места видом на Ангару, и меняющих цвет на серый, с металлическим отливом, стоило ему отвести взгляд от реки и погрузиться в свои мысли. Человек с таким вызывающим доверие лицом часто располагает к себе случайного прохожего. Тот обращается к безобидному на вид незнакомцу с какой-нибудь пустяковой просьбой: как пройти на незнакомую улицу, где находится ближайший телефон-автомат или который час? Но, встретившись с собеседником взглядом, смущается и старается поскорее свернуть разговор. И долго ещё у прохожего остаётся в душе неловкость, будто он ненароком прикоснулся к чужой тайне.

На левом низинном берегу, чуть отступив от камышовых зарослей, до самого горизонта стелилась сизым, мохнатым покрывалом прибрежная тайга. Усталое солнце готовилось зарыться в это мягкое одеяло. Коснувшись багровым краем линии горизонта, оно в нерешительности замерло, примеряясь, как улечься удобнее, чтобы уж ничто не помешало короткому летнему отдыху. Чтобы успеть накопить силу и рано утром возобновить своё нескончаемое из века в век движение по небосклону, даря свет и тепло реке, сопкам, всему живому. Освещая Путь барахтающимся в трясине своих страстишек людям, посмевающим возомнить себя подобными Богу.

На сплавучастке заканчивался долгий рабочий день. По деревянному «острову» ходили хмурые рослые мужики в тяжёлых негнущихся брезентовых плащах и резиновых сапогах с отвёрнутыми голенищами. Переругиваясь хриплыми простуженными голосами, они то и дело поднимали до блеска отполированные ладонями багры, алые в закатных лучах. Шевелили, толкали, перемещали с места на место ободранные, в лоскутьях коры, брёвна. Мутная, покрытая древесным сором волна билась о крутой глинистый берег. От забитой залежалым лесом протоки несло затхлостью и безнадегой. В предвечерней тишине диссонансом звучало монотонное лязганье подъёмного крана, стук багров, надсадный кашель сплавщиков, далёкий гудок плывущего по фарватеру судна. Вечернее небо перечеркивали тянущиеся от вкопанных в землю «болванов» к запани толстые стальные тросы, гудящие от напряжения, как телеграфные провода. Сатанеющий в затишке протоки комар покрывал серой коростой мокрые руки сплавщиков.

Нет, здесь Семёну не глянулось. В детстве Сеня Горин мог часами с открытым ртом

слушать рассказы учителя географии Александра Платоновича о лихой и опасной работе сплавщиков. Тот в своё время стоптал не одну пару сапог, лазая в составе этнографических экспедиций по тайге. Сейчас же, после запрета молевого сплава по Ангаре, на смену романтической профессии «речных ковбоев», как в столичных газетах называли сплавщиков, пришёл тяжёлый монотонный труд. Буксир заталкивал в протоку сплочённый лес. Течением плоты прижимало к запани. А дальше — распутывание опухшими застуженными руками ржавой проволоки, хлюпанье скользких подгнивших мостков, тяжёлый багор, казалось, приросший к рукам, водка, ревматизм, инвалидность и скорая старость.

А потом Семёну уже много лет мечталось побыть одному. Подышать тайгой, подумать о своём, отойти сердцем...

*

На Мотыгинской пристани в ожидании пассажирского теплохода толпились зеваки. «Баргузин» отправлялся вверх по Ангаре до Богучан.

«Какая разница, куда?» — подумал Горин.

— Один до Богучан, — он протянул сотню в низенькое забранное решёткой окошечко...

Народ на теплоходе подобрался разношерстный, с бору по сосенке. Рыбаки, лесорубы, золотоискатели — рабочий, как говорится, люд. Семейная пара, судя по южному загару и оживлённым лицам, — из отпуска. Бабушки с обвязанными тряпицами корзинами: что за дорога без бабушек? Шумная полупьяная стайка геодезистов... Десятка два пассажиров, и у каждого — своя нужда-заботушка.

Туда, не зная куда, плыл один лишь Горин. Так и не пристав ни к одной компании, Семён, тем не менее, присматривался к людям, вслушивался в их разговоры. Неделя до Богучан промелькнёт — не заметишь, а работу, как не крути, искать надо. Но тревожить людей, лезть к ним с расспросами Семён не хотел. Не то чтобы стеснялся. Скорее ждал чего-то, надеясь на удачу. Было любопытно, как карта ляжет? Несмотря ни на что, он продолжал верить в свою планиду.

И дождался. На одной из ангарских пристаней — в Кокуе, а может и в Бельске — поднялся на борт красивый чубатый мужик лет тридцати пяти. Одет он был не в пример пассажирам: по-городскому — в серый отглаженный костюм, бордовую с отложным воротом рубашку, модные светло-коричневые штиблеты и соломенную шляпу, небрежно сдвинутую на затылок. В одной руке нёс бежевый, натуральной кожи чемодан, другую оттягивал аккордеон в коричневом же, в тон чемодану и туфлям футляре. Держался мужчина уверенно. Несмотря на всеобщее внимание к его особе, вел себя естественно, с достоинством и просто.

Новый пассажир подселился в четырехместную каюту, которую вместе с двумя приятелями — геодезистами, отколовшимися от компании, делил Горин. Он был не то чтобы рад попутчику — Семён так и думал держаться в сторонке, ото всех наобособицу, — но и раздражения от появления нового соседа не почувствовал. Техники-геодезисты пили с утра до ночи, а потом громко спорили о своём, только им одним понятном. Их пьяный трёп был пересыпан непонятными для Семёна словечками: кроки, урезы, репера, магистральное нивелирование, тахеометрическая съёмка... Семён скучал. А новенький, назвавшийся по-простому Витьком, держался запросто. Он сразу же со всеми перезнакомился, тут же, за рюмкой, рассказал всё о себе. Что родом он из Кемерово, что работал в шахтерском поселке завклубом, музыкант по призванию и женат на самой красивой женщине в Западной Сибири. А едет сейчас на заработки, в связи с неблагоприятными для его семьи обстоятельствами... После этих слов Витёк махнул с досадой рукой и отвернулся к окну.

На рассвете геодезисты шумно сошли на маленькой пристани, едва различимой с реки в подступившем к самой воде пихтаче.

Теплоход, подрагивая палубой, упорно карабкался вверх по течению. Дни стояли погожие, и ласковый встречный ветерок выдувал из головы мрачные думы. Казалось, что именно сейчас, за следующим изгибом реки откроются те самые туманные дали, о которых Семён мечтал в детстве. «...Там, за поворотом, там, за поворотом...», — звучали в ушах слова Рождественского. Но уже дня через три глаза пресытились таёжными красотами. Одно и то же: растущие из сизого марева сопки, покрытая солнечными бликами река, плеск волны о борт, монотонный стук двигателя и нудные крики чаек, всё световое время переругивающихся за кормой. К тому же, пользуясь хорошей погодой, на палубе постоянно толпились пассажиры: женщины, невзирая на окрики грозного только с виду капитана, принимались прямо здесь же стирать в тазиках, а затем развешивать на снастях бельишко, детишки носились как угорелые, бабушки выползали на волю погреть на солнышке старые косточки. Шум, гам, суета...

В каюту больше никого не вселяли, и Семён с Витьком всё чаще усаживались у открытого иллюминатора и вели неторопливые разговоры под стопочку о жизни.

Выяснив, что Горин, как и он, гонится за «длинным рублём», Витёк предложил Семёну поработать сезон на «вздымке». Так сибиряки называют добычу сосновой смолы или живицы, по-местному. Виктор Куролесов потомственный сибиряк, чалдон, как он себя гордо величал, знал этот промысел с детства. В богатой кедровой тайге местные шишку бьют. А там, где лес поплоче, победнее, зимой — охота, а летом — «вздымка», подсочка.

Витёк рассказал о баснословных заработках вздымщиков, возможности работать от зари до зари без «выходных и проходных», фантастических премиальных: «рубль за рубль шестнадцать», то есть, за каждый заработанный сверх плана рубль — сто шестнадцать процентов премии.

И Семён согласился. Для осуществления его плана нужны были деньги. Он готов был работать на результат изо всех сил, не считаясь со временем и здоровьем. Ему обязательно надо было вернуться в Питер «на белом коне». Его там «ждали», не могли не ждать. И хотя потом, после того, что он задумал, не будет уже ничего вообще... сам момент возвращения не должен быть смазан. Это было очень важно. Долгие восемь лет Семён Горин рисовал в воображении своё возвращение. Как он, одетый с иголочки, выберется из роскошной черной иномарки — пусть даже взятой напрокат — и, помахивая элегантным кейсом, направится к подъезду. А Игорь, чуть отодвинув угол тюлевой занавески, будет смотреть на него, без этой своей надетой на людях улыбочки. И губы его будут дрожать...

Все эти годы бессонными ночами Семён видел его трясущиеся губы. И это видение помогло ему выжить.

— Мне кореш адресок верный скинул, — Куролесов лихо опрокинул рюмку, Семён всегда завидовал людям, умеющим вести себя непринуждённо с едва знакомым человеком, — химлесхоз посёлка Таёжный. Главная у них контора в Богучанах... Пей, Сеня, однажды живём... Рабочие руки завсегда нужны... Хорошая колбаска, Сеня, что ты не закусываешь?.. Года через два-три там начнут ГЭС строить... Я, с твоего разрешения, ещё рюмашку... Хороша, злодейка!.. О чем это я? Да! Вся прибрежная тайга, что вырубить не успеют, под воду уйдёт. А прежде чем лес валить, живицу нужно взять... — Витёк, охлопывает карманы, хотя курево у него закончилось в тот же вечер, как он поднялся на борт теплохода... — Я возьму папироску, Сеня?.. Благодарю... Ага... денег не жалеют. Участок сами себе выберем. Какой на нас глянет, тот и возьмём. Что поспелее, поближе к дороге, — Витёк сыто рыгнул. — Только знай работай, не ленись!

— Эх, денежки! Ваше нежное шуршание меня приводит в трепетание... — умело поставленным баритоном напел Витёк. — Сеня, ну почему я в тебя такой влюблённый? Помнишь

«Свадьбу в Малиновке»? Вот раньше кино снимали!

Смотрел, конечно, Горин эту кинокартину. Но так давно, будто в прошлой жизни. Не показывали ему последние годы свадьбы, всё больше - похороны.

Витёк в который уже раз рассказывал, что там, под Кемерово, у него осталась жена. Верная подруга, которая дождалась-таки его в своё время из заключения. Не бросила в трудную минуту. И никогда бы Витёк не уехал от своей любушки, не случись беда. Всплыла при очередной ревизии у завмага Эльвиры крупная денежная недостача.

— Начальство воровало, а на мою Эллочку всё повесили. Она сама — честная, людям доверяла...

Дело, мол, не завели, прикрыли пока. Но если до годового отчёта всю сумму в кассу не внести, сядет Эльвира. И сядет надолго...

Семён особенно-то не верил в его трёп. Повидал он разных рассказчиков, наслушался баек предостаточно. Но Витька от себя не гнал, помалкивал до поры, поил и кормил «пустого, как бубен», попутчика; всё какое ни есть развлечение. А там кто знает, может благодаря этому балаболу и за работу зацепиться удастся. Документики-то у Горина — врагу не пожелаешь. Только раз, когда Витёк, рассказывая о своей судимости, сморозил:

— ... и вот, когда меня опустили на зону... — Семён, не в силах больше терпеть, припечатал ладонью по хлипкому откидному столику так, что бутылка и стаканы подпрыгнули и полетели на пол.

— Подняли... Подняли на зону, Витёк. Никогда так больше не говори, твою мать! Услышит кто серьёзный, отвечать за базар придётся... Узнаешь тогда, что значит опустили...

А Витьку, как с гуся вода. Он подхватил на лету бутылку, поднял с пола стаканы, посмотрел их на свет, дунул в один и опять заблажил:

— В уголовном кодексе знали все законы мы, корешок мой Сенечка и я...

Витёк обещал рассчитаться с «кентом» — век воли не видать! — за хлеб-вино-табак сполна, как только «лавэ» получит. Был услужлив и, главное, бесподобно пел, аккомпанируя себе на аккордеоне. А играл он мастерски. Чередовал знакомые всем нехитрые мелодии вариациями на их тему, иногда, импровизируя, чуть хулиганил, но в меру и умело.

На вечерние концерты Витька собирались на верхней палубе пассажиры и свободная от вахты команда теплохода. Располагались кто где: мужики покуривали по бортам, принаряженные женщины рассаживались на туго свёрнутый у рубки брезент, шикали на расшалившихся ребятишек. Витёк выходил на нос теплохода, под звёзды, трогал клавиши шикарного концертного аккордеона и медленно, снизу, постепенно повышая голос, запевал:

— Лишь только подснежник распустится в сро-о-ок,

Лишь только приблизятся пе-е-ервые грозы,

На белых стволах появля-я-яется сок -

То плачут берё-ё-ёзы, то плачут берё-ё-ёзы...

Голос его то чуть слышно речитативом проговаривал слова, пропадая было совсем. То стонал, жаловался на судьбу, захлёбывался воображаемыми слезами, замирал, давясь горловой спазмой. То вдруг взлетал ввысь, свободный от земных оков, звонкий, восторженный. Витёк, грудь колесом, в красной с распахнутым воротом рубашке вышагивал по палубе в такт мелодии. Смуглое тонкое лицо его было задумчиво, чуткие пальцы порхали над клавишами. В момент проигрыша он наклонялся левой щекой к инструменту, как бы помогая ему, сливаясь с аккордеоном воедино. И вдруг, когда мелодия вместе с песней взлетала, рывком отбрасывая назад упавшие на глаза мягкие каштановые кудри, закидывал голову вверх и делал шагок к

слушателям навстречу...

Мужчины одобрительно покашливали, женщины промокали уголками косынок глаза.

Семён курил в сторонке и думал о своём возвращении...

*

Не далее, как десять лет тому назад, Семён Горин всерьёз считал, что ухватил Бога за бороду. И не удивительно. Детдомовский мальчишка, ещё совсем недавно до слёз радовавшийся публикациям своих очерков в городской ярославской газете, с первого же захода поступил в Ленинградский университет имени Жданова на факультет журналистики. Учился блестяще, тайком писал «лучшую в мире» книгу. В ней он рассказывал о настоящей мужской дружбе, справедливости, а главное, о милосердии, которое и есть высшая степень справедливости. С тех давних пор сохранилась фотография, одна единственная. По центру, - опираясь на гранитный парапет Университетской набережной, юный Горин запрокинул смеющееся лицо к небу. Волосы до плеч, глаза чуть щурятся против солнца... За его спиной — оттеняемый невской водой город-музей. С одного боку - верный друг Игорь, с другого склонила белокурую головку на плечо Семёна Ариша. Самая-самая! Другой такой нет на свете...

Стриженный седой Горин трогал вконец измочаленную, пожелтевшую, с оборванным уголком фотографию и всерьёз сомневался: жил ли он, Семён, в этом городе, трогал ли руками шершавый гранитный парапет, дружил ли с Игорем, любил ли красавицу Арину? Он во что бы то ни стало должен вернуться в этот призрачный город и убедиться в реальности того, что произошло.

Горин не был диссидентом. Государство его вырастило, выкормило и выучило. Что греха таить, попадались среди воспитателей детского дома и равнодушные и недобрые люди. Но ведь были и хорошие!..

Его приняли в университет, дали койко-место в студенческом общежитии, платили стипендию, не бог весть какую, но неизбалованному юноше хватало. Все условия, только учись! И Семён учился изо всех сил. Просиживал над учебниками всё свободное время. Грыз не только гранит науки, но и по мальчишеской привычке ногти, порой до мяса, до крови, если в чём-то не мог разобраться. Тогда он записывался на дополнительные консультации, сидел в Публичке до тех пор, пока библиотеку не закрывали, прочитывал кипу сопутствующей теме литературы... Но обязательно докапывался до сути вопроса. И был всегда первым. А по-другому и никак. Не имел Семён за спиной влиятельных покровителей. Не на кого было надеяться. Только на себя самого.

Однажды Семён рассказал полудетский политический анекдот в университетской курилке, среди своих сокурсников, без всякой задней мысли, просто так, смеха ради.

«Встретил Леонид Ильич на прогулке плачущего мальчика и стал успокаивать. Что, дескать, тебе подарить? Мальчик попросил телевизор с автомобильными дворниками и рассказал, что его любимый дедушка во время выступления Генерального секретаря всегда плюёт на экран. А когда раздосадованный Леонид Ильич поинтересовался фамилией дедушки, бесхитростный ребёнок назвал: Подгорный».

Дело было как раз в семьдесят седьмом, вскоре после снятия Н. В. Подгорного с должности Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Пикантность ситуации заключалась в том, что незадолго до отправки Подгорного на пенсию, он лично вручил Брежневу золотое оружие и после того целовался с ним на глазах всей страны.

Над тихонько рассказанным под папироску анекдотом посмеялись и разбежались по аудиториям. Вскоре Горина пригласили на Литейный, в «Большой Дом». Приятный,

образованный немолодой мужчина, назвавшийся Николаем Ивановичем, слегка попенял Семёну за неосторожность и предложил информировать в его лице органы безопасности о настроениях студентов, будущей элиты страны, как он выразился. За что обещал закрыть глаза на «шалость».

— Я же вижу, что вы, Горин, наш человек, советский...

Семён отказался сотрудничать с госбезопасностью, помня детдомовские правила: не бойся, не проси, не «стучи»... Николай Иванович подписал пропуск на выход, посоветовал как следует обдумать его предложение на досуге и, вежливо пожав Семёну руку, попрощался. Ладонь интеллигентного офицера была тёплой, а улыбка отеческой.

На зимней сессии Горин «завалился» сразу на трёх экзаменах, в пересдаче ему отказали и отчислили из ЛГУ за неуспеваемость. Из общежития, естественно, выселили. С университетом пришлось распрощаться и тем четверым студентам, которые слушали политический анекдот. Но все, кроме Семёна, были коренными ленинградцами. И родители, похлопотав, как-то исхитрились устроить сыновей на работу. У ребят оставалась хоть и слабая, но надежда со временем восстановиться в университете или поступить в другой вуз.

Семён же оказался на улице. Куда не кинь — всюду клин. Без штампа о прописке на работу не возьмут. А прописка, по крайней мере в ближайшие год-два, ему не светит. Оставаться в городе было нельзя. В то время в уголовном кодексе имелась и активно применялась в судебной практике статья за бродяжничество. Семён был вынужден уехать, снять комнатку и прописаться временно в деревянном, без удобств, домишке у одинокой старушки на окраине Тихвина. За двести километров от Ленинграда. Пришлось таскать шпалы на железной дороге, больше никуда было не устроиться.

Арина переживала, ездила по выходным к Семёну тайком от родителей на электричке. Успокаивала, мол, всё образуется. Уверяла, что любит, предлагала расписаться, «рвануть на красный», по её выражению. Горин не верил в рай в шалаше. Он, в отличие от Арины, знал жизнь не по книжкам. Семён прекрасно понимал, что избалованная профессорская дочка, наплакавшись в детстве над романами Флобера и Стендаля, увлеклась, выдумала себе героя. Как же, бедный, брошенный родителями мальчик, красивый, умный! Всё — сам... Он предчувствовал, что девушка рано или поздно «потребуется», чтобы «принц» стал таким, каким она его вообразила. Мол, «...если я тебя придумала, стань таким, как я хочу!» Да и видел Горин, как она с брезгливым недоумением брала в руки грязно-серый растрескавшийся кусочек хозяйственного мыла. Как морщилась, вытирая свои ухоженные ручки хотя и чистым, но ветхим вафельным полотенцем, повешенным на гвоздик у рукомойника бабкой Матрёной специально для гостя. Бездетная старушка жалела вежливого юношу. Семён понимал, что принесёт эта романтическая любовь Арине лишь горе, сломает её жизнь, сделает несчастной. Нет, он не отталкивал Арину, Горин ждал, пока девушка сама разберётся со своим чувством. Во время побегов из детского дома ему случалось иногда неделями жить в подвалах или, если зимой, колодцах теплотрассы. А голодный мальчуган сквозь грязное стекло подвального оконца видит гораздо дальше, чем выросшая в тепличных условиях профессорская дочь из окна отцовского персонального автомобиля.

Боже, а какие слова она говорила! Как заглядывала в глаза, уверяла, что никогда его не оставит, что будет рядом всегда «...в радости, в горе, в богатстве, в бедности, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит их». Впрочем, это тоже из романов. Да и никто не запрещал Арине приехать и остаться, в конце концов...

А спустя полгода Горин случайно узнал, что друг Игорёк, отчисленный вместе с Семёном из университета, устроился на работу. И не куда-нибудь, а в редакцию железнодорожной газеты «Гудок». Внештатным корреспондентом. А ещё через два месяца Игоря перевели в штат, стали платить зарплату. К началу учебного года он восстановился в университете, на том же

факультете, несмотря на жёсткое отсеивание неблагонадёжных. И тогда Семён вдруг понял, что к чему. Он словно прозрел. Всё сразу встало на свои места... Горин написал Игорю письмо, попросил о встрече. А когда тот не ответил, поехал к нему домой сам, без предупреждения. Семён хотел просто посмотреть в глаза бывшему другу, сломавшему ему жизнь. Всего лишь взглянуть в глаза.

А Игорёк - испугался, что ли? - схватился за молоток, и...

*

В Богучанах Куролесов быстро разыскал контору Кежемского Химлесхоза. Молодой управляющий, переговорив коротко с кем-то по телефону, сказал, что люди на «вздымку» нужны и объяснил друзьям-приятелям, как добраться до места работы. Через час вверх по Ангаре отправлялось пассажирское судно на воздушной подушке. Выше Богучан теплоходы не ходили из-за мелководья и большого количества порогов, разбросанных по реке. Двоё суток плавания, и Семён с чемоданом Витька в руке и тощим рюкзачком на плече - у Горина больше ничего не было - поднимался по высоченной деревянной лестнице, тянущейся от самой воды на взгорье. Там на фоне неба темнели поселковые крыши. Перекладывая из руки в руку тяжёлый и неудобный футляр с аккордеоном, пыхтел сзади Витёк.

В конторе мужиков «оформили», выдали по полсотни подъёмных. Витька, имеющего запись в трудовой книжке о работе на подсочке, записали «вздымщиком», Семёна — сборщиком живицы. Закавыка была в том, что «вздымщик», как более квалифицированный рабочий, за килограмм добытой живицы получал в два раза больше, чем сборщик.

— Работать будете в паре, — предупредил мастер. — Деньги сами поделите? — он внимательно посмотрел на вновь прибывших.

— Нет базара, начальник, — сверкнул фиксой Витёк. — Ты как, Сеня?

— А куда ж ты в тайге от меня денешься? — сощурился Семён.

Так и договорились: работать вместе, деньги — пополам.

Аккордеон, одежду и документы оставили на хранение мастеру. Переоделись в брезентуху, натянули кирзовые сапоги, закупили продуктов на первое время и на катере мастера с ветерком покатали на делянку. На самом берегу, километров в пятнадцать выше посёлка, располагался один из участков химлесхоза. На полянке, закрытой с воды стеной камыша, стояли буквой «П» три рубленных летних времянки. Между ними — навес с кострищем и ровной поленницей.

В одном из домиков проживал с поварихой Раей ветеран участка по прозвищу Филин, старый лысый уркаган. Беззубый, с серым от чифирия лицом, фактурой похожим на кирзовое голенище. Филину после освобождения не разрешалось селиться ближе сорока километров от районного центра. Впрочем, он к тайге привык и никуда не собирался отсюда уезжать.

Две другие времянки были свободны.

Семён и Витёк вселились в один из пустующих домиков.

Времянки не запирались, в тайге не принято баловать. Да и не уйдёшь далеко...

Работали от темна до темна, Раиса варила нехитрую похлёбку, за что получала с каждого по четвертаку в месяц. Водку, считай, не пили. Магазин в посёлке. Пятнадцать кмэ протопать по тайге в один конец, туда и обратно - тридцать, кому охота! День потеряешь, устанешь как собака.

Правда, раз в неделю по очереди ходили в посёлок. В баньке помыться, бельишко сменить, пивка попить, если завезли в ОРС.

В один из банных дней Семён познакомился с Леной. Ох и хороша была вдовушка - коса русая ниже пояса, шейка лебединая, глаза - лесные озёра бездонные. Шла по улице и земли не

касалась... И даже тяжёлая работа на лесобирже не смогла такую красоту испортить. Но правду говорят: не родись красивой... Пила Лена - завивала горе верёвочкой. Давно пила, с прошлой осени, после гибели мужа, инспектора рыбнадзора. То ли утонул мужик по тёмному времени, напорвшись на топляк, то ли помогли ему утонуть, кто знает? А если кто и знает, разве скажет. Тайга... Моторку казённую притащили на буксире, а тело так и не нашли...

И дом и работу забыла Лена в загулянушках, а узнала Семёна - и оробела. Застыдилась прошлой жизни, вино пить бросила, посвежела, избу убрала, занавесочки, рушнички, салфеточки развесила-разложила по избе, откуда что взялось. Ждала Сенечку на крыльце, будто знала час, когда явится. Увидит издали, махнёт косой, и - в избу. Зайдёт следом Семён, а она плачет навзрыд. Так радовалась ему.

— Что ж ты плачешь, Елена? — он всегда её так называл.

— Да как ж я Елена, Сенечка? Меня вон на посёлке Ленкой-богодулкой прозвали. А плачу, так не всякой бабе доведётся в жизни всласть поплакать на груди настоящего мужика, — сияла сквозь слёзы колдовскими глазами Лена.

— Для меня ты — Елена прекрасная, — обнимал её Семён.

И через пять минут она уже смеялась. Женские слёзы, как утренняя роса. Выглянет солнце — мигом сохнут.

А банька истоплена, вода согрета, веник можжевельный в кадке томится, дух от него - по всей бане. Каменка жаром пышет, в предбаннике - квас ледяной из погреба в запотевшей крынке. Хорошо, чёрт побери!

Переспит Семён ноченьку с зазнобой, а сна-то и - ни в одном глазу.

- Оставайся, - горячо шепчет Лена. - Что тебе в городе? Книжки читать? Так у нас при конторе библиотека. Книжек много, про войну есть. Хорошие. На реке жизнь вольная, оставайся, желанный...

А наутро опять — в тайгу.

Уставали по первому времени оба напарника так, что по утрам крышку консервной банки было не вспороть. Рука финку не держала.

Вопреки посулам Куролесова, достались им уже выработанные участки. Приходилось резать сосну высоко, трёхметровым «хаком» с укрепленной сверху литровой посудинной. А в той - кислота, чтобы сосна живицы больше давала. Вся облепленная застывшей смолой и лесным сором конструкция весила килограммов шесть. Руки прилипали к дереву намертво. В накомарниках работать нельзя, нечем дышать на жаре. На комаров уже не обращали внимания, привыкли. От мошки дёгтем мазались.

Хорошо хоть участки разбросаны по тайге друг от друга далеко. Думалось одному в тайге за работой как никогда.

*

В который уже раз Семён рисовал в воображении, как он выходит из машины, поднимается по широкой лестнице с врезанными в вытертые мраморные ступени латунными кольцами. Как не спеша шагает на второй этаж старинного купеческого дома на Чайковской. Как звонит, видит дрожащие губы Игорька, не спеша, по одному, отщёлкивает замки «дипломата», раскрывает его на столике огромного, под потолок, трюмо тёмного дерева. А там, в кейсе, на чёрном сукне — молоток. Точно такой же, как был у Игоря в руках в тот злополучный день, десять лет назад.

Семён тогда и не обратил на него внимания, молоток и молоток. Зато потом изучил его до мельчайших подробностей. Грамм на сто пятьдесят, с покрытой лаком жёлтой овальной

рукояткой и круглым, не сбитым ещё обушком, к которому прилипла вместе со сгустком запёкшийся крови прядь чёрных волос. Чёрных, как у Игоря.

Он мечтал о том, как откроет дипломат и медленно поднимает взгляд, минуя вздрагивающие губы, на уровень его заметавшихся, побелевших от страха глаз...

*

Куролесов за последние недели сдал. Его тонкие музыкальные пальцы опухли в фалангах. Спина не гнулась. Ноги покрылись язвами. Семёну раз от разу всё с большим трудом удавалось по утрам поднимать напарника с постели. Всё чаще приходилось уходить в тайгу одному.

В середине сентября, когда по вечерам от реки потянуло холодом, а левобережные староверы занялись ночным лучением рыбы, мастер пробежался по участку, прикинул приблизительно объём выполненной работы и выписал процентовку-аванс. Выплатил, как и положено, двадцать одну копейку за килограмм живицы: четырнадцать за «вздымку» Витьку, семь - за сборку Семёну. Витёк расписался в ведомости, сгрёб «свои» две трети общего заработка, стараясь не встречаться глазами с Гориным, невнятно промямлил о телеграмме жене и засобирился в посёлок на катере мастера. Заспешил, засуетился... Короче, уехал.

К ночи Витёк явился распяно-пьяный и на выдвленное ему Семёном сквозь зубы: «Гони мою долю, сука...», — полез в драку. Мазнув тыльной стороной ладони по его пьяной роже, Горин вышвырнул пожитки напарника из времянки и широко расставил ноги на крыльчке, пробуя пальцем лезвие топора. Грязно ругаясь, Витёк поплёлся под навес.

Семён лежал вверх лицом, в темноте, не зажигая лампу, и ничего ему не хотелось. Он слышал слова Филина:

— Шёл бы ты, Витёк, в посёлок. Не ровён час, положит тебя Сеня под выворотень, на мерзлоту. Он, Сеня, может! И ёлку поставит на место, как и было. Закон — тайга... Где-нибудь в посёлке устроишься. Чем не жизнь, ни комаров тебе, участковый рядом... — хрипло смеялся старый вор. Знаешь, Витёк, бережёного Бог бережёт, а не береженого - конвой стережёт.

Ушёл Витёк на рассвете. Не стал дня дожидаться. Потом болтали "вздымщики", будто в гараже работает. Поправился, мол, с лица пополнел.

Встретила Семёна Лена за околицей, в который раз сердце-вещунье подсказало, что выйдет нынче Сеня из тайги. Упала милому на грудь.

— Прости, родной, мы с Виктором сладили. Обещал жениться к зиме. Говорит, врал он, бахвалился, никого нет у него... Вижу же, что уедешь. Не удержать мне тебя. Ты — городской, не пара я тебе... Как я потом тут одна? Разве что на суку удавиться...

Чего её винить? Нелегка она, бабья доля. Почесал Семён щетину — эх, помыться-побриться не довелось! — и повернул назад, в тайгу. Побоялся не сладить с собой в этот раз. А вдруг вина выпьет и Витька встретит?.. А Семёну нужно было вернуться, во что бы то ни стало...

Три недели не выходил Горин из тайги. Дорезал участок, собрал живицу, стрелевал полные, будто свинцом налитые бочки, на лесную дорогу волокушей, запряжённой лесхозовским мерином. Все жилы вытянул, чуть было пупок не надорвал. Пришёл в контору лицом чёрен, в бороде живица, иголки, седые космы - во все стороны, на лешего похож.

— Давай расчёт, — сказал директору. — Работа сделана, живица в бочках, семь с половиной тонн пиши, там - с запасом. Я не крохобор.

— Доработай, Горин, до мороза. Сам видишь: людей нет. Мужикам в посёлке с погрузкой поможешь, дня через три баржа придёт...

— Договаривались как? Утром - живица, вечером — деньги! Забыл что ли, начальник? Так

я помню... Завтра с утра посылай мастера на участок, а к вечеру — расчёт! — сверкнул из-под бровей ввалившимися глазами Семен и повернулся уходить.

— Будь моя воля, я бы вас всех за колючку загнал, под автомат, — прошипел директор.

Семен, дрогнув щекой, шагнул к крытому зелёным сукном столу. Руководитель, не выдержав взгляда, откинулся в кресле.

— Будь у меня рука подлиннее... — Горин поднял чёрный указательный палец. — Я бы тебе, козлу, глаз выколол... Гроши — завтра к вечеру, понял?.. И смотри, не серди меня, начальник. — Семен задержал взгляд на расширившихся зрачках директора, понимающе усмехнулся и, аккуратно прикрыв дверь кабинета, вышел в приёмную. На вопросительный взгляд лысого, очкастого, худого, как жердь, служащего, вежливо улыбнулся.

— Они заняты-с!

*

Не бил Горин Игоря молотком. Вырвал из руки и отбросил в сторону. Приложил, правда, иуду пару раз головой о дверной косяк, когда тот ручонками замахал. А как мамаша его закричала, плюнул на наборный паркет и ушёл...

На рассвете Семёна взяли...

Следователь показал молоток. Дал почитать заключение экспертизы о наличии на рукоятке отпечатков пальцев Семёна Горина, об ушибе мозговых оболочек потерпевшего, о стойкой потере его трудоспособности. Зачитал заявление потерпевшего и свидетельские показания его матери, находящейся в квартире «в момент совершения преступления». И хотя Семён отрицал «факт нанесения побоев, используя специально для этой цели приобретённый слесарный молоток», суд признал Семёна Максимовича Горина «в преднамеренном покушении на убийство Игоря Афанасьевича Смирнова из личной неприязни, нанесении ему тяжких телесных повреждений...» и приговорил «к восьми годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии усиленного режима».

Арина на свидании плакала, обещала ждать, писала три с половиной года, а потом вдруг перестала.

*

Катер должен был причалить в полдень. К его прибытию в выходной день на пристани толпился народ. По лестнице на берег спускалась празднично разодетая весёлая компания, человек двенадцать.

— С музыкой гуляют, — одобрительно загалдели бабы.

— Начальник ОРСа, Василий Никитич, шестидесятилетие они празднуют...

Раскрасневшиеся подвыпившие женщины, пританцовывая, распевали частушки. Лена делала вид, что Семёна не видит. На ходу аккомпанируя певуньям, Витёк вышел на пристань и прислонился спиной к перилам. Нажав на клапан сброса воздуха, сдвинул меха и замер, заставив тем самым всех смолкнуть и обратить внимание на себя.

Семен стоял в сторонке и представлял, как он сейчас с разбега, в прыжке, всем весом обрушится на подло обманувшего его напарника и полетит вместе с ним в воду. А там доберётся до горла...

Дождавшись полной тишины, Витёк медленно потянул мелодию, запев, как обычно, вполголоса:

— Лишь только подснежник распустится в сро-о-ок,

Лишь только приблизятся первые гро-о-озы...

Витёк поднимал голос и музыкальное сопровождение всё выше и выше:

— На белых стволах появляется со-о-ок...

И в тот момент, когда откинувшись назад, он бросил в толпу:

— То плачут берё-ё... —

деревянные перила не выдержали, и аккордеонист, издав сложный и неприятный для слуха аккорд, как был — в шляпе, с инструментом в руках и небрежно накинутым пиджаком, полетел в воду.

Женщины завизжали, отшатнувшись от обрушившихся в воду перил. Выпустив шлёпнувшийся на пристань рюкзак, Семён метнулся в свободное от людей пространство. Быстрое течение уносило беспорядочно барахтающегося, взывающего о помощи человека. Опережая его, покачивалась на волне шляпа. Три быстрых шага, и Горин ласточкой полетел с пристани. Только ноги мелькнули. Едва успев услышать за спиной повторный вздох толпы, Семён погрузился в воду, но сразу вынырнул и что было силы поплыл саженьками. Впереди то погружалась, то всплывала голова Куролесова. Тот, уже нахлебавшись воды, пускал пузыри. С пристани только и успели увидеть, как две головы, тёмная и седая, сблизилась, догоняющий мужчина угрожающе крикнул и поднятым высоко вверх кулаком ударил утопающего. И сразу же оба скрылись под водой...

— Ой! Боженьки, никак утопли? — пронёсся над рекой женский не то вскрик, не то всхлип.

Но через мгновение, взломав сияющую на солнце поверхность бешено мчащейся воды, головы показались на поверхности. И ещё два раза поднимался кулак прыгнувшего следом седого мужика для удара, прежде чем выдающийся в реку камышовый мысок скрыл обоих недавних напарников от любопытных глаз зевак...

Семён волоком вытащил бездыханное тело связчика на мелководье и, не дав себе даже секунды отдыха, запалёно дыша, бросил его животом на своё колено. Витька выворачивало наизнанку. Он нутужно кашлял, жадно хватал раскрытым ртом воздух и то и дело извергал из себя ангарскую водицу. Горин посадил его прямо в воду и без сил завалился спиной в мелкую, по щиколотку, взбаламученную грязь. Тяжело дыша, смотрел сквозь мокрые ресницы на проплывавшие в белесом мареве облака.

— Сеня... не забуду... по гроб... — хрипел Витёк.

Семён всё никак не мог надыхаться. Становилось зябко.

— Сеня... что хочешь... век воли не видать! Деньги твои... отдам... бля буду!

— Оставь себе, — медленно поднялся Семён и стянул с плеч намокшую тяжёлую куртку. — купишь гармонь, — усмехнулся он сквозь зубы. — Ты что за руки хватался, мудило? Хотел обоих утопить? Еле вырубил. Все костяшки о твою бестолковку разбил, — Горин посмотрел на опухающую правую руку, пошевелил пальцами. Витёк мелко вздрагивал. Губы его сочились сукровицей, нос опухал, под глазами разливалась синева.

Семён покачал головой и криво усмехнулся.

— Красавец, - и похлопал на берег, таща по воде куртку.

Подбежавшие очевидцы происшествия бросились к Куролесову. Загалдели, склонились над ним, толкаясь и мешая друг другу. Лена голосила пронзительно, на весь берег. Думала, второй мужик утонул. Замерла на миг, обнимая Витьку, а потом вдруг бросилась к Семёну. Упала, запнувшись о камень, схватилась за лодыжку.

— Родимый... век буду молить... спаси тебя Господь...

— Что с ногой? - присел перед ней Семён.

— Поболит и перестанет, - сквозь слёзы улыбнулась Лена.

Семён поднял её на ноги, отряхнул ладонью мокрый, облепленный песком и сухими метёлками камыша сарафан и легонько подтолкнул к сидящему на сухом Витьку.

— Иди-иди, Елена, - попросил негромко и пошёл от людей по берегу, вниз по течению.

У скопления больших гладких валунов разделся, оставшись в одних синих «семейных» трусах. Зябко повёл плечами, согреваясь на солнышке. Выжатые носки, рубашку, тельник и куртку развесил на кустах. Раскисшие кроссовки нанизал на обломанные ивовые сучки.

Поблескивая на солнце, бурлящий поток с лёгким журчанием омывал группу выдвинувшихся в реку валунов. На нагретом полуденным жаром камне, обдуваемый отгоняющем гнус ветерком, сидел седой тридцатилетний мужик, выглядевший на все пятьдесят. Он опирался темными раздавленными работой ладонями о колени и спал. Голова упала на грудь. Над его серебрящейся на солнце макушкой замерла стрекоза. Семён улыбался во сне, ему снилась мама. Мама, которую он не видел никогда в жизни, но сразу признал. Она была молодая, красивая и очень походила на Арину. Такая же светленькая и зеленоглазая. И Сеня Горин знал, что он наконец-то вернулся...

Чуть в стороне от воды, на большом плоском горячем камне подсыхали аккуратно разложенные, заработанные тяжким трудом купюры. Под лёгким ветерком шелестела страницами новая трудовая книжка. И выгибалась подсохшими краями справка об освобождении с расплывшейся фиолетовой печатью.

Наталья Этуева

Рыбогрусть

***

На «сегодня» поставлен крест.
По зарубкам – десятый день.
Я скучаю в квадрате стен,
Мертвый воздух все мысли ест.

За стеной у соседей – смех,
Им не внять тишину навзрыд:
Я немее наддонных рыб -
На кровати и брюхом вверх.

Томно-странная рыбогрусть,
В ней рождается сотый стих.
Вижу двери, ключи от них.
Выйти-выплыть?.. Не шевелюсь.

Мне бы слово «привет» одно -
Ожила бы, метнулась в высь.
Поскорее домой вернись,
Без тебя дом не дом, а дно.

Ты мне снишься, даже когда я всю ночь не сплю.
Даже когда меня любят и все прощают.
Как бы кто ни старался – все тщетно. Все мимо, в аут.
Я всю жизнь никого не люблю.

Эти руки так душат, когда обнимают, надеясь.
Этим милым созданьям невинно-наивно верящим
впору пришлось бы нимбы.
Было б сердце во мне – называлось б закрытым музеем.
Было б сердце... и был бы я...
Был бы...

.....
...
...
Вот я есть.

Так бывает во снах, что дорога, которой идешь –
именно та, что надо.
И, пройдя по безлюдному пляжу всего три шага,
Вижу – здесь...
Ты меня не узнаешь. Устроюсь рядом.

Он говорил со мной

Этот голос утюжил меня с изнанки,
И рука в смущении расцарапывала ладонь.
Я старалась дышать ровнее, улыбаться, держать
осанку.
Изучала жадными — изнутри, поперек и вдоль.
— Говори, — умоляла взглядом, — говори со
мной.
Я за это (приторно-терпко-жаркое)
разрешила сама себе стать немой.

«Говори со мной – как хорош твой голос,
будто сон, от которого хочется плакать,
или заснуть навечно.
Как хорош твой голос — он пленительнее, чем
гордость...»
Он позвал меня - шла собакой,
Отзываясь на кличку ласковую, человечью.

Голос был.
Он бросался словами короче иголки, острее спи-
цы.
Говорил, не сможет в меня влюбиться,
У него от последней страдальческой – стойкий
иммунитет.
Сколько раз сказал: «Не получится, не случится»,
Отсекал: «Не думай об этом.
Нет».

...А теперь стал далёким, прозрачным и
прожитым.
Развлекаюсь порой ностальгией, вопрос себе за-
даю:
— Кто из нас был грубее во лжи и неосторожнее?
Он — сказав, что меня не любит?
Или я — решив, что не разлюблю?

***

В комнате, обес(с/ц)веченной темнотой,
Ночь пропитала и стены, и потолок,
Мрак вездесущий, бархатный и густой
Всё поглотил, оставив лишь лоскуток
Серый простынный в свете луча луны.

Рамою сжата сфера небесных тел.
Кажется, законный мир — мал, уныл,
Комната — бесконечная в темноте.

Сон уступил бессоннице до утра.
Время луну торопит, мужчину — путь.
Не получается фраза: «Уже пора» —
Спящая греет нежной щекою грудь.

***

Что ж, родная, давай! Попотчуй. Сахарком
кормила? Теперь кнутом!
Отсекайся с губ и со взгляда жестче,
Погибай в руке моей мотыльком;

Говори, что дышишь, при этом — ври мне,
обещай держать меня — и бросай.
Предрекла сама я: «Однажды вымрут
Неизбежно чувства, как ни спасай».

Ты на дне стакана — последней каплей. То-
ропись, пока под наркозом сплю,
Утекай, ответная, безвозвратно,
Убывай, случившаяся, к нулю...

Луиза Мухоморова
Улица Пестеля, отзвуки Бродского

Улица Пестеля спит под весенне-апрельским солнцем,
отзвуки Бродского слышатся в шорохе каждого дерева,
дворники будут тихи в петербургских легендах-колодцах,
если всего пять касаний на утро отмерено.

После большими глотками по кофе как дань равновесию,
в тягостный путь налегке отправляемся порознь,
наша латентность готова к финалу — чужому возмездию,
ты моя первопричина. Без края непознанность.

Эта весна снизойдёт до любви, обойдя все препятствия,
жизнь словно пробка. То глухо заткнётся, то ядерно выстрелит,
будем же с ней заодно. Станет миру приятелем
тот, кто из нас двоих справится-выдержит-выстоит

в этом бою за отчаянно-пылкое чувство присутствия нежности,
рядом с водой, от которой свободой вся суть наполняется,
улица Пестеля дышит моей и твоей неизбежностью,
отзвуки Бродского каются, каются, каются...

Ирина Рейсовой

Егор Сазоненко
Тот, кто всегда смеётся...

Эта ужасная давящая боль за грудиной. У старого клоуна сегодня два номера, а больное сердце как раз решило напомнить о себе.

— Дмитрий Валентинович, может быть вам врача позвать?

— Обойдусь, дайте мне нитроглицерина... Миша, объявляй меня.

Мужчина с нарисованной улыбкой закинул под язык маленькую белую таблетку, натянул на голову рыжий парик, глубоко вздохнул, взял небольшую надувную лодку и вышел на арену...

Зал взорвался аплодисментами, на детских лицах была видна неподдельная радость...

Когда клоун зашёл за цирковые кулисы, его уже ждал пожилой врач.

— Я буду выступать.

— Вы понимаете, что Вам нельзя, Дмитрий Валентинович. Сегодня лучше отдохнуть, и...

— Я справлюсь, ребята ждут клоуна... Можно ещё одну... нитроглицерина?

Боль разливалась по диафрагме, отдавала в нижнюю челюсть и в лопатку. Внутри что-то сжималось, давило, а потом ненадолго успокаивалось. От нитроглицерина голова "раскалывалась на мелкие кусочки", казалось, что кто-то пытается залезть в черепную коробку. Дмитрий Валентинович крепко зажмурил глаза, достал платочек и приложил его ко лбу. Долгие двадцать минут ожидания следующего выхода...

Закинув под язык третью таблетку, артист взял несколько мячей и направился в сторону арены.

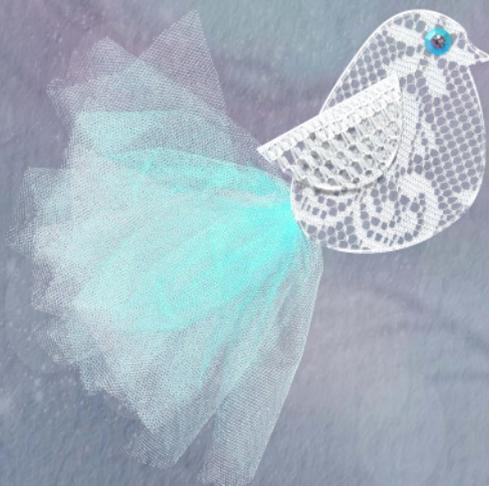
— Я не разрешаю вам выступать!

— Михаил Афанасьевич, Вы же понимаете, что клоун - это человек, который всегда смеётся, он не может заболеть и не выйти... Меня объявили, я пойду - ребята ждут...

На арене снова играла музыка, из зала лился детский смех, всё сверкало, искрилось... В глазах потемнело.

С трудом закончив свой номер, он, поклонившись, удалился. Зайдя за кулисы, не останавливаясь, клоун взял под руку доктора и направился с ним в гримёрную... Обернулся, взглянул на своих коллег, доброй улыбкой показав, что с ним всё в порядке.

Через несколько минут дрессировщик и ведущий вынесли из гримёрной носилки. На носилках лежал добрый клоун — дядя Дима. Он больше не дышал. Растрёпанные седые волосы, бледные сомкнутые веки... нарисованная улыбка на пол-лица.

Новый рассвет

Там, где ты правду ищешь
Спрятана только ложь.
Левой рукою пишешь
То, что потом сожжешь.

В белых покаях царских
Можно лишь ждать конца.
Ты променял на цацки
Дух своего отца.

Там, где бушуют ветры
Воля для казака.
Спас для своих, для светлых,
Ты же чужой пока.

Степи здесь ждут героя
С шашкой, да на коне.

Шаг до начала боя,
Шорох в глухой войне.

Близок конец Кали-юги,
Времени сумрачных лет...
Белые славные сдруги
Новый встречают рассвет.

Наталия Коденцова
Море дышит уютной лазурью,
тихо шепчется с небом волна.
Солнце глазки кокетливо жмурит
и колдует в душе тишина.

Пусть сентябрь и утром прохладно -
море чуткое лето хранит.

Скоро станет прекрасно-нарядным
город нежно-жемчужной любви.

Слава Юпитер

Для тебя

Я буду для тебя любим,
Каким захочешь...
Но равнодушным - не проси,
Ни днём, ни ночью.
Я буду для тебя иным
Всегда, и - разным...
Но только скучным — никогда,
Однообразным.
...Белее ангела, таким —
Голубоокиим...
...Чертёнком ласковым,
Смешным, а не жестоким...
Прекрасным принцем ли, шутом
И — кем сумею,
Но — не проси меня любить
Тебя слабее...

Волшебная

Никого не бойся и не верь —
Пусть случилось так: меня не стало...
Все земные линии судьбы
Вдруг перечеркнуло, поломало...
Я волшебный мир твой сохранию,
Защищая и собой рискуя.
Ничего, безмолвно, — не прося,
Ни о чём, напрасно, — не тоскую.
Золотой короной уложу
Волосы твои, касаясь нежно,
И оставлю навсегда такой —
Королевой сонной, безмятежной...
Исчезаю... И опять вернусь —
Именем твоим, тепла и света,
Исполнять заветные мечты
Невозможно-бронзового лета!

Порядок слов в предложении и инверсия

В качестве очередной темы для статьи мы выбрали порядок слов в предложении и такой художественный прием, как инверсия. А точнее, ошибки, связанные с этими темами. Принято считать, что порядок слов в русском языке свободный, однако, это не совсем так. Некоторые правила и рекомендации все же есть. Именно на сознательном и умелом нарушении этих правил и строится инверсия, как художественный прием. Но об этом потом, а сейчас о роли порядка слов в предложении.

В русском языке порядок слов может выполнять синтаксическую, семантическую и стилистическую функции.

Синтаксическая функция выражается в том, что место того или иного слова в предложении зависит от того, какую синтаксическую роль берет оно на себя в данном случае. Рассмотрим такой пример: «Пасмурный день». Прилагательное «пасмурный» выступает в роли определения при подлежащем «день». Если же слова поменять местами: День пасмурный, то прилагательное становится сказуемым в двусоставном предложении.

Что можно сказать о семантической функции? Порядок слов может отражать, например, последовательность событий («Он стал с дивана и закурил» — сначала встал, затем закурил), или же последовательность получения информации. О семантической функции можно говорить в том случае, если имеет место уточнение значения слова или словосочетания. Например, когда имя существительное уточняет количественное числительное. Сравните между собой два словосочетания: 20 минут и минут 20.

На стилистической функции мы остановимся гораздо подробнее, ведь именно на ней основан такой прием, как инверсия. Если какой-либо член предложения оказывается на непривычном для него месте, внимание читателя автоматически притягивается именно к нему. Это явления часто используют авторы в своих художественных произведениях. Это и называется инверсией.

К слову сказать, далеко не всякое изменение порядка слов в предложении имеет право называться инверсией. Инверсия всегда направлена на усиление выразительности конкретного предложения. Наиболее выигрышную позицию занимает то слово или словосочетание, которое находится в начале предложения, если, конечно, это место не является для него привычным. Аналогичный эффект получается при перемещении его в конец, особенно если целевое слово несет в себе нечто новое, неожиданное.

Злоупотреблять инверсией нельзя, ибо она сопряжена с риском совершения логических ошибок, например таких: «Однажды он едва был не застрелен» или же просто разорвать связь между словами: «Мы, аж, подскочили на кровати, от испуга, которая была в комнате одна», «Тихо в лесу за Можайском в зеленом», «Вьётся наш гордый, по воздуху флаг» и т.д.

Чаще всего к инверсии обращаются в поэзии. К сожалению все чаще, порядок слов меняют не столько с целью усилить то или иное слово, сколько для того, чтобы попасть в выбранный ритм. В этом случае свою художественную ценность прием теряет.

С другой стороны, текст, состоящий только из предложений с прямым порядком слов, скорее всего, будет скучен, что для художественного произведения не допустимо. Именно поэтому, чаще всего, предложения с прямым и обратным порядком слов употребляются в равной степени и чередуются друг с другом. Важно делать это разумно и с умом.

Хочется сказать, что под инверсией скрывается целый ряд художественных приемов, каждый из которых обладает своими чертами. К таким приемам относятся хиазм, который также основывается на изменении порядка слов, но только строго определенным образом: элементы в предложении расположены крестообразно от центра: «Умейте любить искусство в себе, а не себя в искусстве» (Риторика к Гереннию) и гипербатон — разрыв связи слов в предложении (самый яркий и известный пример — речь магистра Йоды в «Звездных войнах»).

Хочется напомнить, что во всех примерах, взятых нами из текстов в интернете, сохранена авторская пунктуация.

Анастасия Палпенева

Ольга Погода

Мэй

Меж сливовых ветвей
промелькнул лисий хвост...
Или это почудилось мне?

(По легенде у кичунэ, прожившей 1000 лет, девять хвостов)

Он казался мне таким безрассудным и таким смешным... Таким смешным, что я даже была с ним откровенна.

— Наверное, девушкам нравится быть недоступными, - серьёзно, но с мальчишеской улыбкой рассуждал он. — А ты — особенная девушка, и поэтому стараешься казаться какой-то сказочной, да?

— Я ведь всё тебе сказала, — я легко запрыгнула на подоконник и подставила свои длинные волосы солнечным лучам, - Если ты мне не веришь — это уже не имеет никакого значения. Люди сами могут решить свою судьбу, я всего лишь напомнила тебе об этом.

Солнечные лучи отразились в его невозможно зелёных глазах. Он тронул пальцами мой подбородок — нежно, как только мог, и прошептал:

— Я, кажется, влюбился... Как же тебя зовут, сказка? Может быть, Мэй? Та самая Мэй, что едва не погубила императора Коноэ?.. Та самая Мэй, перед властью и красотой которой трепетала вся Япония?..

— Глупенький, - шёпотом ответила я, касаясь пальцами его щеки. — Мэй никогда не существовало. Это просто сказка, которую наивные японцы, к тому же, украли — у китайцев. Кстати, есть мнение, что они тоже не сами придумали эту историю... Имя Мэй на языке разных народов означает разное. По-китайски — красота, по-корейски — алый мак...

Я замолчала, глядя в его невозможно-зелёные глаза. Как-будто летний луг — бесконечный, бескрайний, заросший травами... Напоённый летними сочными звёздами. Я потянула носом воздух — он и пах летом, летом этого мира... Летом, которое я так любила.

— Ты придёшь ко мне? — тихо спросил он, проводя рукой по моим волосам — до самого пояса. — Придёшь — сегодня?

— Если я приду к тебе, — шептала я этим летне-травяным глазам, — Ты знаешь... Мне придётся украсть твоё время здесь. Иначе я не смогу остаться.

— Укради. Я дарю тебе своё время, — отвечал он, и я сдалась.

Я ушла ещё до утра. Сколько, он сказал, ему было лет?.. Кажется, девятнадцать — эти прекрасные девятнадцать, эти нелепые, глупые девятнадцать... Но я же ничего не скрывала от него.

Полная луна серебрила летние травы, в нос рвались дурманящие запахи этого мира. Я любила этот мир. Полюбила когда-то, как и своё проклятие. Мне нравилось здесь жить. Не девятнадцать лет — нет, гораздо больше... Стоило кому-то влюбиться в мой взгляд — взгляд другого мира, в мой запах — так пахнет лето в другом мире, в мои волосы... таких роскошных волос нет у здешних красавиц — и я получала их время — а, значит, возможность, прожить в этом мире ещё пятьдесят, восемьдесят... быть может, тысячу — лет?.. А людей с невозможно-

зелёными, с пронзительно-синими, со жгуче-карими глазами на самом деле не так уж и мало.

Удивится ли он, проснувшись утром? А если и удивится — то чему? Тому, что меня нет, или тому, что сказка, которой он не поверил вчера, сегодня стала былью?.. Удивится ли морщинам на лице и руках, дряблости кожи, седине, полностью покрывшей ещё вчера каштановые волосы, большому взгляду ещё вчера таких невозможных глаз?.. Украденные девятнадцать... Как назовёшь меня, странник? Быть может, Алым Маком?..

Луна стояла высоко в небесах. Я легко бежала вперёд навстречу лету этого мира, а рядом со мной серебристо стелилась моя девятихвостая тень...

Как вам известно, в конце прошлого года наша газета проводила конкурс «Посвящение». Тексты победителей этого конкурса были опубликованы в прошлом номере, а в этом вашему вниманию представлены интервью с победителями: Сергеем Даниловым и Алексом Ершовым. Беседовала с авторами Екатерина Трефилова.

Интервью с Сергеем Даниловым

Сергей Данилов стал победителем в конкурсе на тему «Посвящение», конкурсе самом масштабном из всех за время существования газеты — в нем участвовало 30 авторов и 37 произведений как поэтических, так и прозаических. Произведения на конкурс набирались не только на сайте «ВКонтакте», но и на ресурсах stih.ru и proza.ru.

Рассказ «Все мы знакомы», победивший номинации «Самое оригинальное посвящение», я думаю, близок каждому из читателей.

Мне выпала честь, по поручению редакции газеты, познакомиться с произведениями Сергея, опубликованными на личной страничке сайте «проза.ру». Его небольшие рассказы, написанные хорошим литературным языком, всегда по-человечески теплы.

— Здравствуйте, Сергей! Расскажите, пожалуйста, о себе.

— Родился я в 1948 году (на Балтике). Жил в г. Калининграде — там служил после войны мой отец. В Саратове с 1961 года — здесь жили родители моего отца. Дед — капитан Волжского пароходства с дореволюционных времён. Окончил 2 ВУЗа: Саратовский госуниверситете (физик) и Российский гос. социальный университет (финансы и кредит). В общей сложности проработал в банковской системе последние 25 лет (Центральный (государственный) банк) и вышел на пенсию.

— Скажите, какой дорогой Вы пришли в творчество? С какого возраста начали писать, почему, были ли в Вашей семье, или среде, люди, имеющие отношение к литературе?

— Стихи пробовал писать ещё в студенческие годы, но всё выбрасывал, считая совсем недостойным "озвучивания". Где-то в 2000 году в командировке напала "страсть" и написал за ночь первую главу "Мастера и Маргариты" стихами. Когда в течение 2-х лет написал все главы, то решил напечатать за свои деньги для друзей 200-300 экземпляров. Потом подобное произошло со "Снежной королевой" и "Синей птицей". Печатать помогали друзья.

В семье литераторов не было, но читать любили — собралась библиотека в несколько тысяч книг.

— Что для Вас на данный момент есть литературное творчество? Самовыражение? Уход от реальности в мир, который Вам дорог? Попытка размышления? Нечто другое? Проза.ру, стихи.ру основная площадка общения с читателем, или в реале (я имею в виду неинтернет ресурсы) у Вас тоже есть опыт общения? Имеете ли Вы связь с литературными сообществами, может быть публикации (в бумажном варианте)?

— В Центральном банке есть своё печатное издание "Поэтический Балчуг", в котором последние 10 лет печатались мои стихи на правах гостя. Чем является творчество? Пожалуй, вы правы, творчество — это самовыражение и какое-то самоутверждение: на всех днях рождения и праздниках на работе просят что-то написать ...

— Скажите, пожалуйста, Ваши прозаические произведения можно отнести скорее к жанру мемуара, а не пробовали ли Вы писать в другом ключе? Я в захлеб прочитала

"Детство". Мне кажется, у Вас не плохо должны бы получаться произведения для детей. Тем более, что подобной литературы сейчас не хватает. Именно такой — с одной стороны автобиографичной, с другой — интересной, живой, автора не потерявшего ощущения детства, видения мира глазами ребенка.

— Давно мечтаю написать что-нибудь для детей. И даже был "в задумках" сценарий маленькой пьесы, но не хватило силы воли и усидчивости осуществить это. Пьеса была бы замечательной, но как всегда кто-то, где-то "рядом" уже "потоптался" в подобном сюжете.

Возраст моих читателей может быть совершенно разный: кто-то, может быть, вспомнит своё детство, прочитав мои рассказы, а кто-то (младше) сравнит сегодняшний день и "мой" вчерашний.

— Как Вы считаете, каков на данный момент возраст Вашего читателя? Кто он — глубокий интеллектуал, либо, может быть, человек скучающий, ищущий развлечения? (Я нарочно утрирую).

— Конечно, я рассчитываю на какой-то интеллект, иначе и быть не может... В том числе, и у молодёжи. Внучка моя — умней меня (в том же возрасте). Как хотелось бы передать свой опыт и "прожитые чувства" ей, но природа защищает молодость — иначе не было бы развития и собственных ошибок — т.е. школы жизни.

— Спасибо большое, Сергей. Творческих успехов Вам, а нам радости от встречи с Вашими новыми произведениями.

В заключение хочется выразить надежду, что с произведениями Сергея мы еще не раз встретимся на страницах, как нашей интернет-газеты, так и на страницах других литературных изданий, потому что литература автобиографическая имеет очень большую ценность, а способность писать в таком ключе легко, интересно и по-человечески тепло, это особый дар.

Кирилл Сарокин

Изыдкая словесность

Говорят, только русский может материться, глядя на восход солнца. Сладостно, от души поминать многочисленную родню, части тела, и излагать различные эзотерические воззрения на окружающий мир просто от избытка чувств, потому что даже великий язык, покоривший целый континент, не в состоянии передать всю глубину и силу ощущений. Конечно, встречать рассвет приходится по-всякому: под мокрым караульным грибочком, истекающим холодной росой, в угаре затянувшегося и потерявшего вкус застолья; в муках бессонницы, устав от многочасовой борьбы за необходимый отдых и окончательно махнув рукой на сон; обнимая прекрасную незнакомку и видя, как все её волнующие загадки смывает серый утренний свет... Всю сознательную жизнь я провёл в не самых мягких и пушистых мужских коллективах, но задействовать альтернативную лексику для выражения восторга наедине с собой...

Мой приятель — тамада. Не то, чтобы это было его единственным занятием, но вполне профессиональный. Давно, когда он был ещё безлошадным, а я уже владел достаточно вместительным транспортным средством, пусть и сомнительной внешности, но проверенной работоспособности, он часто привлекал меня к своим головокружительным свадебным эскападам. В тот раз нам предстояло обслужить веселье «на районе» - две чистые и светлые души, вскормленные тёплым, с желтоватой пенкой, молоком, нашли друг друга в городских джунглях, но слиться воедино им предстояло на земле предков. Предки платили осторожно, но хорошо.

Лето плыло в бездонном голубом небе, солнышко ласково пригревало сквозь ткань тента, пахло какими-то травами, вокруг озабоченно металась многочисленная родня молодых, а из стоящих на отлёте хлебов, где ворочалось и похрюкивало хозяйство, время от времени долетали огромные радужные мухи. Невеста была хороша! Все невесты хороши, но наша была лучше всех. Даже выдавший виды тамада удовлетворённо крикнул. Жених тоже был не промах. И смокинг ему шёл. И галстук-бабочка был не на резинке, а самый настоящий. Не беда, что никто не сумел снова его повязать, когда он распустился — бантик смотрелся тоже очень здорово. Гораздо сильнее жениха смущало отсутствие у смокинга карманов, но и эту проблему хранения мужских мелочей в виде источников огня и дыма, он позже решил, надев под смокинг сумочку-«банан»...

Свадьба гуляла до рассвета. Впрочем, наше в ней участие закончилось чуть за полночь — дальше всё уже шло своим чередом, и мы, отдав должное домашним деликатесам и казённым напиткам и худо-бедно обезопасив аппаратуру, пошли готовиться к завтрашнему дню. Тамада, загадочно мурлыча, отправился осматривать жилище одной прекрасной селянки, у которой, по её словам, стояла в вазочке на подоконнике самая настоящая папарасть-цветка, а я попросился у хозяев на давно замеченный сеновал у реки и мне не только разрешили, но и выдали тонкое, пахнущее молоком одеяло.

Ночь была мягкой и ласковой. Под крышей я не видел звёзд, но чувствовал, как они дышат в решётчатые стены. Тихо шумели огромные деревья и изредка всплёскивала рыба в реке. Я засыпал на свежем душистом сене, чуть завидуя приключениям тамады... Проснулся я на рассвете. Сквозь решётчатые стены струился серый свет, от близкой реки тянуло сыростью, а в ложбинке, где я устроился, сено хранило пахнущее жарким солнцем тепло и я бы с удовольствием снова закрыл глаза, если бы не испытывал жгучей необходимости прогуляться до ближайших ивовых зарослей. Оглушительно шурша, я подался к выходу, но остановился, поняв, что не один. В беседе солировал голос одной из подружек нашей невесты — сильный, выдающий украинские корни, и властный. Я представил её — в шикарном вечернем наряде и её элегантно кавалера в костюме, продёрнутом блестящей нитью и босого, гуляющих на лоне природы и, посмеиваясь, стал быстро подбирать литературные аналоги их выражениям:

— Ах, вот где ты пропал, любитель крепкого алкоголя! Кто разделяет твоё одиночество, могу ли я поинтересоваться?

— Оставь свои сомнения, дорогая, или прогуляйся в неведомые дали... Я, всего лишь, нехорошо себя почувствовал. Ах, эти гости!

— Следует ли мне понимать, что причина твоей прогулки к сеновалу лишь в этом?

— Безусловно, любовь моя! Может ли быть иначе?!

— Зачем же ты так злоупотребил, глупец? Прочие, пусть им и нелегко, ведут себя как мужчины...

Они немного повозились молча.

— Посмотри, какая красота! При виде этого можно потерять разум, упасть оземь и лишиться сознания! Какая необыкновенная красота! Посмотри, глупый!...

— Да, это просто предел как прекрасно...

— Возьми себя в руки, дорогой. Мы возвращаемся... В неведомые дали...

Чуть подождав, я скатился с сеновала и, торопясь, спустился к реке. Неширокая река истекала паром, а над пологим берегом в редких узких рисках облаков, царствовало малиновое восходящее солнце и редкие кустики колыхались и плыли в сочащемся сквозь них горячем свете. Я по колено вошёл в парную воду, зачерпнул туман и, не зажмуриваясь, плеснул себе на лицо. Солнце брызнуло яркими искрами повисшими на ресницах... Я стоял по колено в тёплом тумане, смотрел, как солнечный диск светлеет, отрываясь от земли, и не мог найти ничего лучшего чем:

— Предел!... Потерять разум!... Упасть и лишиться сознания...

Андрей Ермаков
Грецкий орех

Вероника, вспотевшая и усталая, возвратилась домой с рынка.

— Фу! Ну и жара сегодня! - вздохнула она, поставила на пол тяжелые сумки и присела на стульчик возле самого входа. — Серега! — позвала она своего сына, когда немного отдышалась.

-Че надо?- из комнаты с заспанным лицом вышел молодой, высокий красивый парень. — Мам. Ну и что шумишь? Ты не видишь? Я еще не встал...

— Сереж! — мать ласковым взглядом окинула любимого сына. — Ты бы хоть мне помог.

Бурча под нос, он легко подхватил сумки, которые мать еле-еле донесла до квартиры, и занес их на кухню.

— Все?

— Помощник, настоящий помощник! — она нежным взглядом окинула своего сына с ног до головы. — Кушать будешь?

— Конечно, — Сергей недовольно посмотрел на мать. — А ты, типа, сама не знаешь...

— Ну, может тогда, яичницу пожарить? — любящая мать не замечала безразличия в словах своего отпрыска.

—Угу! — услышала она в ответ сонный голос. — Давай яичницу...

— А я, представляешь, орехов принесла! Ты бы их поколот, пока я готовлю.

— Вот еще. — Сергей сладко потянулся. — Тебе надо ты и коли. Я спать пошел.

И он, пройдя мимо матери, вернулся в свою комнату.

Вероника, не переодеваясь, принялась за стирку, и, когда завтрак был готов, позвала:

— Сынуля, иди кушать!

Сергей, с кислым лицом, зашел на кухню и принялся уминать за обе щеки, горячую, ароматную, посыпанную зеленым лучком яичницу.

Мать, любясь сыном, присела напротив и сказала:

— Какой ты у меня взрослый уже...

Он, доев завтрак, встал.

— Ну, я на улицу...

— Сереженька, подожди!- она протянула ему несколько орехов. — Возьми! Может, на улице с друзьями поколешь?!

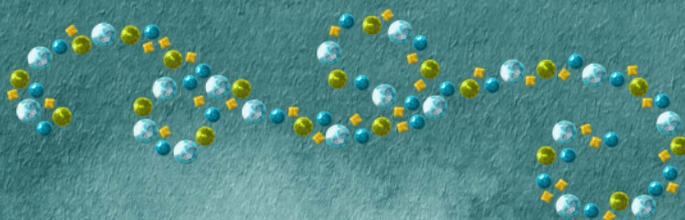
— Вот еще! — буркнул он (но так, чтобы мать не слышала). — Делать мне больше нечего как твои орехи шелкать. Я тебе что, шелкунчик что ли? - и вышел из квартиры.

"Ах, как он уже вырос! — радовалась своим мыслям мать. — Взрослый какой стал. — Она взяла в руки орех. - Такой же крепкий, большой!"

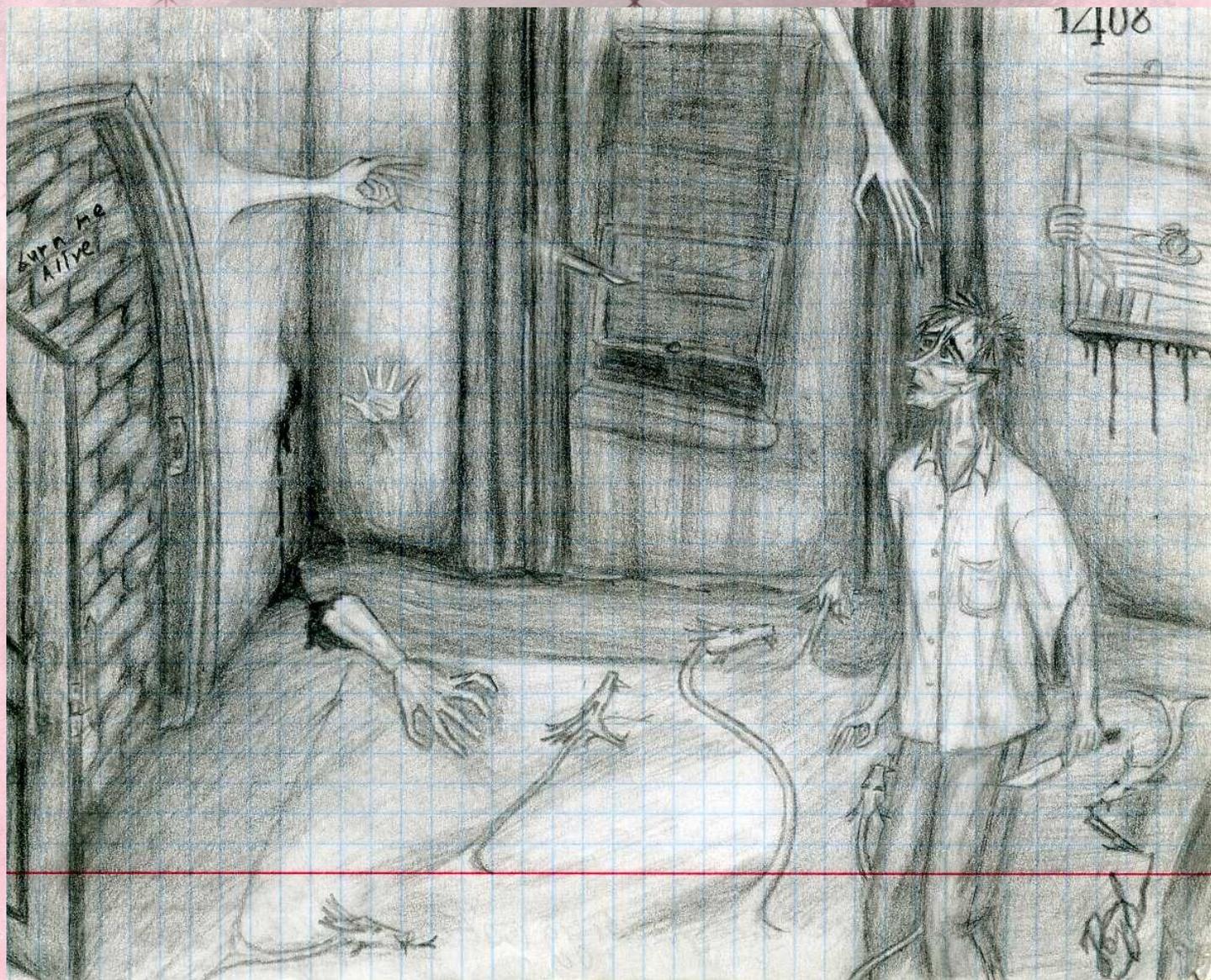
И, положив орех на стол, попробовала его расколоть.

— Точно! — сказала она вслух и улыбнулась сама себе. — Прямо как мой сын. Крепкий орешек!

Она ударила по ореху. И в это раз он раскрылся. Но, вместо ароматной, твердой, вкусно пахнущей сердцевинки внутри грецкого ореха была вся в паутине, черная, плесневелая гниль...

Евгений Бен

Александр Ершов явился победителем сразу в двух номинациях конкурса «Посвящение». В номинации стихотворное посвящение победило стихотворение «Посвящение зрителю», которое является и аннотацией к личной страничке автора на сайте «проза.ру». А миниатюра «Страх высоты» вышла победительницей в номинации «проза».

С удовольствием знакомясь я как с прозаическим, так и стихотворным творчеством Александра. Его произведения — это в основном миниатюры, зарисовки и небольшие рассказы. Легкость литературного языка, умение наблюдать жизнь и затронуть чувства читателя, а также хороший юмор в его юмористических миниатюрах покорила меня, как читателя.

Мы встретились с ним, если можно так выразиться, на просторах интернета, Александр ответил на несколько вопросов, чтобы читатель нашей газеты смог познакомиться с ним поближе.

— Здравствуйте, Алекс! Расскажите, пожалуйста, о себе. Кто Вы, где живете, чем занимаетесь?

— Здравствуйте, Екатерина! Живу я в славном городе Харькове, что на Украине, работаю преподавателем вуза.

— Связана ли Ваша профессия каким-либо образом с литературой?

— Конечно же, связана. Каждый преподаватель по долгу службы обязан сочинять и публиковать всякие научные статьи и методические пособия. Иначе его не аттестуют на новый срок...

— Вы преподаватель каких наук (или науки)?

— Я преподаю технические науки. Автоматика, телемеханика, электроника и так далее...

— Как же произошло, что Вы начали писать?

— Если говорить о художественной литературе, то начало «писательства» уходит в самое детство. Как и большинство моих ровесников, увлекался сочинением стихов, песен и рассказов, которые распространялись среди друзей и подруг.

— Что для Вас значит — писать? Удовольствие? Желание высказаться? Разобраться в себе, своих мыслях? Желание изменить что-то в мире, окружающем Вас? Нечто иное?

— Пожалуй, всё вышеперечисленное, в том числе и «нечто иное»...

— Есть ли у Вас произведения, вышедшие в официальную печать?

— Есть, более сорока публикаций, в том числе три книжки. Но все они не художественные.

— Пишете ли Вы от случая к случаю, или процесс создания стабилен?

— Моё глубокое убеждение — тексты рождаются независимо от воли автора. Поскольку художественная литература не является источником заработка, могу позволить себе сочинительство от случая к случаю...

— Скажите пожалуйста, а Ваши рассказы, миниатюры и стихи, насколько они имеют под собой базу реально произошедшего? Сколько места в них занимает художественный вымысел, если занимает вообще? Есть ли у Вас необходимость утрировать некоторые моменты, или, может быть, идеализировать? Особенно меня интересует этот вопрос по отношению к двум произведениям — победившему в конкурсе рассказу "Страх высоты" и повести "Ромашка". И то и другое произведение меня лично тронуло до слез. "Ромашку" и сейчас не могу вспоминать без наворачивающейся слезинки, настолько святое и... тревожащее получилось произведение. Повесть не просто отражение трепетной дружбы двух очень неординарных людей, она заставляет думать, она неоднозначна. Ваши герои не абстрактны, они живы, они противоречивы, как и каждый человек, но в то же время удивительно чисты...

— У меня нет ни одного рассказа, написанного по следам реальных событий. Сплошной художественный вымысел.

Кстати, мне кажется намного более ценной (художественно) сказка о Подсолнухе - <http://www.proza.ru/2009/09/28/37>

— А как родилось стихотворение "Посвящение зрителю", которое Вы поставили аннотацией к своей авторской странице? И почему именно его Вы выбрали, как визитную карточку, если можно так сказать.

— "Посвящение зрителю" считаю шуточным стихом. В какой-то момент показалось, что он отражает внутренний мир писателя. Некая пародия на Гамлета...

— Скажите, Алекс, как относится к творчеству Ваше окружение. Гордятся ли Вами близкие, или может быть ревнуют, что погружаясь в мир слов, Вы уделяете им меньше внимания? Знают ли коллеги по работе о Вашем увлечении литературным творчеством?

— Окружение моё домашнее относится к творчеству с улыбкой, как, впрочем, и я сам. А коллеги по работе — не все знают о моих увлечениях, но некоторые довольно одобрительно высказываются. И студенты мои в том числе.

— Каковы Ваши ближайшие творческие планы? А может быть в планах у Вас есть все же издание книги (не по работе)?

— Книжек издавать не собираюсь. Достаточно интернет-публикаций...

А планов творческих не строю. Мне бы завершить то, что недоделано...

— Ну, и последний вопрос: Скажите пожалуйста — сами Вы что любите читать? И много ли Вы читаете в интернете?

— Что люблю читать? Увы, читаю гораздо меньше, чем люблю. А в Интернете — в основном коллег по сайту Прозы и Стихи. Кроме того, очень интересно бывает общаться на разных чатах и форумах, там люди откровенны как нигде.

— Спасибо большое, Алекс, за разговор, нам (Вашим читателям) было очень приятно познакомиться с Вашим творчеством, а теперь и с Вами. Творческих Вам успехов! С нетерпением будем ждать встречи с новыми Вашими произведениями.

Елена Филиппенко

Отморозки

Дворнягу все звали Найда, и только дворничиха — Люсей. Найда была небольшой рыженькой собачкой с палевыми пятнами по бокам, а белая морда казалась облитой молоком.

Но глаза! Какие же у нее удивительные были глаза! В них горело столько любви и благожелательности! Казалось, что она улыбается, столько доверия и преданности людям выражали эти собачьи глаза!

При всей нелюбви мегаполиса к бездомным собакам, эту дворнягу никто не прогонял от двух слепленных вместе шестнадцатизэтажек. Она всегда крутилась возле подъездов и приветливо махала всем изогнутым хвостом.

Чтобы ее не убили усыпляющим препаратом (так в городе борются с бездомными собаками), некто жалостливый, одел ей ошейник. Было похоже, что эта простая собачка — потерявшаяся любимица пенсионерки.

Подкармливали собаку все добрые люди. А таких в двух домах оказалось немало. Жила Найда под лестницей одного из домов. Там же у нее появилось первое потомство - семь разноцветных щенят.

Поначалу они не вылезали из-под лестницы, а когда немного подросли, стали вываливаться из небольшого отверстия и играть перед входом в подъезд. Наблюдать за их возней было смешно.

Словно маленькие дети, не знающие печали и забот, они резвились на газоне, толкая друг друга, падая и кувыркаясь. Часто они подбегали к коротконогой матери и сосали молоко, стоя возле ее теплого живота. Она рычала на них и они, принимая это за угрозу, за лазили в лазейку под лестницей.

Однажды в подъезд заходили несколько нетрезвых подростков. Один из них подхватил на руки щенка, самого игривого.

— Зачем он тебе? — спросил один из ребят.

— Приколоться хочу!

Через время на крыше дома послышался спор и возня. Что-то толкнуло Найду поднять вверх морду.

На нее с крыши летел ее щенок, самый упитанный, широко расставив лапы. Через минуту он шмякнулся об асфальт, и кровь хлынула из носа, ушей и пасти.

Ужас всего на миг мелькнул в собачьих глазах. Она подбежала к мертвому щенку и стала лизать его, тоскливо поскуливая. Рядом собрались остальные щенки. Они не подходили к собрату и казалось, что недоумение скользит на мордочках.

В этот момент из подъезда вышла стайка подростков. Найда неожиданно напряглась. Она уловила родной запах щенка и вдруг кинулась на ребят, злобно их облаивая.

Лай подхватили все щенки.

Собака-мать, захлебываясь лаем, стала кидаться, пытаясь укусить за ногу одного из парней. Уклоняясь от клыков, он споткнулся о трупик щенка, не заметив, как ступил в кровь. «Фу-у! Пошла вон, с-сука!»

Красное пятно улеглось на носок замшевого светло — коричневого туфля. Подросток ругнулся матом. Затем рассмеялся и сказал: «Ну вот, придется новые шкрабы покупать!»

Потом неожиданно стянул туфли и под общий хохот, кинул в собаку и щенков:

— Держи, мать — героиня! Будешь носить со своими отморозками по очереди, чтобы лапы не отморозить!

Анастасия Палпенева

Евгений Бем

Смертельно запутанный случай

1. Из записей Максима Орлова

Начну сначала. Нет, не с начала. Я, в конце концов, художник, а не рассказчик. Если сейчас, кто бы Вы ни были, Вы читаете эти записи, значит, что-то произошло. Я еще не знаю, что именно.

Я знаменит и, в общем, богат. Еще лет пятнадцать назад никто и предположить не мог, что моя судьба сложится таким образом. Все мои родственники в один голос твердили, что я выбрал не ту специальность, мол, с золотой медалью мог поступить куда угодно, а выбрал худграф. Я был помешан на изобразительном искусстве, я последовал за своей мечтой, не слушая разговоры о том, что надо семью кормить, а не малевать никому не нужные картинки, и что ни одна дура за меня замуж не выйдет (на это я отвечал, что дура мне не и нужна). Основным моим заработком было рисование афиш для местного кинотеатра, иногда подворачивалась возможность иллюстрировать книги.

После одной из них, романа британской писательницы Мэри Джейн Ригби «Сказки волшебного леса», вышедшей, впрочем, единственным не слишком большим тиражом, я стал весьма востребованным иллюстратором. Порой мне даже доверяли полное оформление книг. Забегая вперед, скажу, что сейчас эти книги стоят немалых денег именно из-за моего оформления. Родственники, наконец, перестали ворчать по поводу «необдуманного» выбора профессии. Теперь я был «уважаемым человеком» и полностью их устраивал.

Впрочем, деньги я почему зря не тратил, жил очень скромно. Разумеется, я помогал родителям и сестре-студентке, ухаживал за девушками, но на себя особо не тратился. Время от времени у меня накапливались солидные суммы денег. На эти деньги я устраивал выставки-продажи своих работ. Разумеется, не иллюстраций, а картин, что я писал «для себя», а также так называемых «художественных артефактов». На рекламу первой выставки, оформление зала, презентацию и послевыставочный фуршет для тех, кто помог мне во всем этом, я не поскупился. Накопленной за два года суммы едва хватило.

В следующие несколько месяцев я работал на износ: иллюстрировал не только книги, но и газетные статьи, рисовал карикатуры и даже портреты на заказ, жил буквально впроголодь, почти не выходил за пределы своей комнаты-студии... Родители решили, что я запил.

Вторая выставка, в отличие от первой, окупилась сполна — сказались траты на предыдущую. Следующая даже принесла доход, обо мне писали местные газеты, об иллюстрировании книг можно было забыть, но не стоило, ведь я хотел в столицу...

Через некоторое время я стал довольно популярен в Москве, а затем и во всей России. Я очень работоспособен, да и с фантазией полный порядок, так что на каждой новой выставке появлялись новые, новые и новые картины. Так я стал тем, кем стал — Максимом Орловым, самым знаменитым художником страны. Разумеется, содержание своих родственников, их переезд в Москву и перевод сестры из филиала в головной вуз я взял на себя. Теперь они мной гордились.

На какой-то из московских выставок — не моей персональной, а общей — я познакомился с Майей. Моложе меня на пять лет, красивая, приятный собеседник — она пришла на выставку в качестве искусствоведа от журнала, нам было о чем поговорить, кроме погоды. Тем временем вся родня наседала на меня, мол, уже 27 лет, а все холостяк, говорили про пресловутый стакан

воды и тому подобные шаблонные доводы. Для Майи на тот момент я был весьма неплохой партией: молодой, уже знаменит, хорошо обеспечен, приятная внешность — рост метр восемьдесят, стройный, светлые волосы «под каре». Сейчас, правда, я довольно сильно располнел, поэтому волосы пришлось обстричь: толстый и с длинными волосами, я был бы оскорблением для своего собственного художественного вкуса. Сейчас я похож больше на пекаря, чем на художника. Зато Майя за эти семь лет практически не изменилась, все та же миниатюрная брюнетка.

Так и жили: я писал картины, она — статьи о них. По совету Майи, время от времени я устраивал мастер-классы, о которых она писала, будучи уже главным редактором этого журнала.

На одном из своих уроков я обзавелся постоянной ученицей. Зовут ее Анастасия Ковалева, и она очень сильно напоминает мне меня самого пятнадцатью годами раньше: эта упрямая девушка вцепилась в возможность учиться «у самого Орлова» словно бульдог. Я ценю такую хватку, я решил ей помочь, воспитать себе преемника или даже соперника. Тогда я жил как никогда интересно, в полную силу, полноцветно, что ли. Даже начал сам писать песни, по словам моих друзей, весьма неплохие. Однако, слышали их только они: я считаю, что мой голос не столь хорош, чтобы петь когда-либо, кроме застолий в узком кругу. Даже моя жена этого не слышала.

Не так давно я стал замечать некоторые странности. Возможно, они были и раньше, но я был так увлечен обучением Насти, что не замечал вокруг себя ничего, кроме нее и ее картин. Кроме того, тогда я зачастую даже ночевал в студии. Однако, когда Настя уехала на месяц в Германию на выставку работ русских молодых художников, я огляделся и пришел в ужас. Оказывается, Майя приходила домой не раньше полуночи. Моя сестра Катя как-то говорила мне, что видела ее с каким-то мужчиной возле ресторана. Я не придавал значения: это мог быть кто угодно, от делового партнера до дальнего родственника. Я не ревнив. Однако, я стал замечать еще и то, что она прячет свой телефон, будто боится, что я начну читать ее сообщения или записную книжку, а когда говорит по телефону, почти всегда уходит в другую комнату, чего раньше за ней не водилось. Когда я спросил ее после одного такого разговора, с кем она говорила, она после секундного замешательства, которое я, тем не менее, заметил, ответила, что с подругой. Я чувствовал с ее стороны отчуждение, хотя она его тщательно скрывала, она была подчеркнуто ласкова со мной, однако смотреть в глаза избегала. Вы скажете, это все домыслы, бред параноика... Может быть. Однако, я думаю иначе. К тому же, большая часть имущества записана на меня, квартиру и машину я купил до нашей свадьбы, лишь всякая мелочь вроде мебели и бытовой техники была куплена в браке. Детей у нас нет... В случае развода ей бы достались лишь жалкие крохи — половина стоимости мебели и техники и подаренные мной украшения. А вот если бы она получила мое наследство... Тогда мелочью были бы даже квартира и машина, ведь у нее бы оказались авторские права на мои картины, сами картины, записи и видео мастер-классы. Картины можно продать, а можно устраивать выставки памяти меня, а еще продавать и выставлять оригиналы моих ранних иллюстраций, я уж не говорю о распродаже в частные коллекции моих художественных принадлежностей. Учитывая, что в последнее время она стала интересоваться машинами и бывать в моем гараже... Собранные воедино, эти факты давали мне серьезный повод для беспокойства.

2. Из газет

14. 07. 2010 г. На мосту через р. Москва произошло ДТП. Автомобиль марки «Nissan»

врезался в ограждение, пробил его и упал в воду. Предположительно, в автомобиле находился только водитель, Максим Павлович Орлов. Господин Орлов считается пропавшим без вести, так как с момента аварии его никто не видел, а тело найдено не было. Предположительно, ему удалось самостоятельно покинуть автомобиль, после чего он потерял сознание и утонул. На приборной панели была обнаружена вмятина. По предварительной версии, М. П. Орлов потерял сознание за рулем, а очнулся уже в воде. Поиски пропавшего ведутся самым тщательным образом.

22.07. 2010 г. Поиски пропавшего без вести неделю назад М. П. Орлова, увы, так и не привели ни к каким результатам. Друзья и родственники художника все еще питают надежду, что ему удалось спастись. Мы будем постоянно следить за дальнейшим ходом поисков и держать наших читателей в курсе событий.

14. 08. 2010 г. В автомобильной катастрофе погиб великий художник современности, Максим Павлович Орлов. Тело так и не было найдено, однако надежды на то, что Максим Орлов остался жив уже нет: прошло ровно два месяца со дня той аварии, однако он не появлялся ни дома, ни у кого-либо из знакомых или родственников. По просьбе вдовы художника, Майи Орловой, Максим Павлович был официально признан погибшим. 20 августа в Художественной галерее состоится выставка работ М. П. Орлова, в том числе ранее не выставлявшихся, посвященная памяти знаменитого художника. Также на ней будут представлены незавершенные работы мастера. 25 августа состоится выставка работ молодых художников, посвященная памяти М. П. Орлова. Максим Павлович много делал для развития живописи в России и популяризации русской современной живописи за рубежом.

Таинственный наследник исчезнувшего художника

18. 09. 2010 г. Не успели улететь события вокруг странного и трагического происшествия со знаменитым Максимом Орловым, как тут же появились новые, не менее шокирующие известия, касающиеся данной персоны, вернее — его завещания!

Недавно было обнаружена последняя воля покойного — вернее, официально таковым признанного — Максима Павловича Орлова. Вопреки прогнозам и ожиданиям, все имущество, кроме нажитого в браке с Майей Орловой, урожденной Синниковой, полагается не ей и даже не близким художника, а некоему Андрею Брагинцеву, никому не известному и ранее в окружении Орлова не замеченному. Впрочем, ходят слухи, будто этот самый Брагинцев, уже окрещенный «Таинственным Наследником», все же приходится покойному дальним родственником. Мотивы, побудившие М. П. Орлова оставить все свое многомиллионное имущество, в том числе авторские и смежные права и все личные вещи, столь дальнему родственнику, о котором не знают даже жена, родители и сестра художника, неизвестны. Предположение о том, что Андрей — внебрачный сын Александра, рассыпается в прах, как только становится известен возраст наследника: он лишь на пять лет моложе своего безвременно ушедшего. Лишь время покажет, кто же есть этот Таинственный Наследник.

Обездоленная вдова знаменитого живописца против таинственного наследника: чья возьмет?!

Не так давно было вскрыто завещание пропавшего без вести художника М. Орлова.

Последнее его распоряжение своим имуществом оказалось более чем странным: Майя Орлова не получает ничего из имущества мужа, все состояние (исчисляемое миллионами) отходит никому не известному Андрею Брагинцеву, дальнему родственнику Орлова, не удосужившемуся даже прийти на похороны. Которые, кстати, были не менее странными, чем завещание.

Тело Орлова так и не было найдено, соответственно, в могилу спустили пустой гроб, причем все присутствующие об этом знали, но добросовестно простились и лили над этим самым пустым гробом слезы — думается, столь же пустые.

Удастся ли вдове доказать свои права на наследство знаменитого мужа или все имущество — движимое, недвижимое и так называемая интеллектуальная собственность — достанутся Таинственному Наследнику?

Майя Орлова отвечать на вопросы отказывается. Есть мнение, что она боится действий со стороны Брагинцева. Наравне с этим бытует мнение, что Майя и Андрей уже поделили между собой все наследство. Якобы, Андрей Брагинцев по каким-то причинам хочет сохранить инкогнито, и Майя Орлова может ему в этом помочь за определенную сумму. Интересно, какова должна быть сумма, чтобы удовлетворить запросы Майи, ведь размер наследства исчисляется миллионами долларов!

Возможно, наследник так и не объявился и объявится еще не скоро потому, что находится в «местах не столь отдаленных». За что он туда попал? Может, даже, он попал туда и не за свои грехи. Тогда за чьи? Ведь биография М. П. Орлова до его невероятной карьеры художника покрыта не меньшей тайной, чем его смерть... Бытует также версия, что «Таинственный Наследник» тяжело болен, и, возможно, недееспособен, и господин Орлов оставил все средства на его содержание. Возможно, он и раньше содержал немощного родственника, хотя и не афишировал этого. Чем же, в таком случае, болен несчастный Андрей, а также, почему в завещании указаны реквизиты счета, заведенного на его имя, а не счет медицинского учреждения? Или болезнь Андрея — не психическая? Но ведь инвалиды, чей недуг лишь физический, живут вне каких-либо медучреждений, лишь на время курса лечения оказываясь там! Неужели дела Андрея Брагинцева так плохи? Он же еще совсем молод! Или... Нет... Неужели... Неужели он стал «пациентом» лепрозория?

А может, Орлов был должен Брагинцеву? А не ему ли он обязан своим невероятно быстрым взлетом, головокружительной карьерой? Ведь не так уж часто художники — а не писатели, музыканты или актеры — становятся мировыми звездами! Трудно поверить в то, что это заслуга исключительно Максима Орлова. В таком случае Брагинцев — сила, с которой необходимо считаться. В этом случае безутешную вдову может устроить и крошечная подачка из рук Таинственного Наследника.

Или же Максим Орлов боялся, что его жизнь в опасности, и опасность эта исходит ни от кого иного, как от Майи? Поэтому он, скажем, завещал все, что у него было, незнакомому или малознакомому человеку, который об этом не знал и узнает сейчас, из газет и Интернета? Андрей, откликнитесь! Вы теперь богаты!

В свете этого предположения, история с исчезновением Максима Орлова становится еще более загадочной. Он предполагал, что покушение на него будет совершено, но не думал, что так скоро? Не успел даже сказать Майе об изменении завещания? Так было это убийство или несчастный случай? Что же произошло? По некоторым расчетам, либо в рулевой и тормозной системе автомобиля Орлова были спровоцированы неисправности, повлекшие за собой аварию, либо его самого опоили снотворным, вследствие чего он и не справился с управлением автомобилем. Выяснить это не представляется возможным: автомобиль был найден в таком

состоянии, что невозможно определить, какое из многочисленных повреждений было получено первым, и была ли среди них причина аварии, тело же Максима Орлова вовсе не было найдено, что делает дальнейшее расследование невозможным. Майя же Орлова от любых комментариев отказывается, ссылаясь на то, что все, что нужно было сказать, она уже сказала следователю.

Нельзя также отвергать версию, что это было самоубийство: судя по завещанию, семейная жизнь Орловых складывалась не лучшим образом, что могло толкнуть Максима Орлова на подобный шаг. Кроме того, художники, поэты и музыканты — в общем, богемная среда — люди экзальтированные, чувствительные и легко поддающиеся перемене настроений: сегодня рисовал солнечные лужайки, а завтра полез в петлю. Не говоря уж о том, что в этой среде нередко употребление алкоголя и наркотиков, что провоцирует, опять же, резкую и не всегда адекватную перемену настроений. В таком случае закономерен вопрос, а был ли в тот момент ныне покойный Максим Орлов в здравом и трезвом уме? Если нет, то случившееся можно назвать скорее несчастным случаем, чем самоубийством. А если да? Неужели это и впрямь несчастный случай, и ни Майя, ни этот невесть откуда взявшийся Андрей ни при чем?!

Прояснить что-либо в этой, безусловно, запутанной истории может только появление Андрея Брагинцева на публике. Ждем с нетерпением!

3. А в это время

Андрей Брагинцев объявился спустя 8 месяцев после исчезновения Максима Орлова, как раз к моменту вступления в права наследования — Майя подала прошение об официальном признании мужа погибшим через 2 месяца после случившегося, еще через 6 месяцев — последний срок для вступления на наследство. Андрей был довольно сильно похож на своего троюродного брата Максима в молодости: в последнее время Максим стал несколько полноват и коротко стригся, Андрей же был худощав и подстрижен «под горшок». Впрочем, он и был моложе своего безвременно ушедшего брата на 5 лет. И столь же энергичен: уже через несколько месяцев вся музыкальная Москва заговорила о новом барде, потом, правда, используя унаследованные деньги и связи, он вышел на всероссийскую сцену. Вскоре популярность Андрея как музыканта стала сравнима с популярностью Максима как художника, его называли «русским Бобом Диланом». Кроме того, он был достаточно красив, чтобы нравиться многим женщинам, и, к тому же, холост... Не говоря уж о том, с каким нетерпением, благодаря прессе, широкая общественность ожидала его публичного появления!

4. Выдержки из блога Анастасии Ковалевой

Предпоследняя запись (приведены без комментариев читателей блога)

...Мало кто начинает рисовать оттого, что у него все хорошо. Скорее наоборот. Максим Павлович, мой кумир и учитель, начал рисовать от безысходности, его никто не понимал, оставалось выражать себя на бумаге и холсте. Я начала рисовать, пожалуй, от своих комплексов: если уж природа пожалела красок на меня, то я не пожалею ничего для того, чтобы пусть не я, но хотя бы пространство вокруг меня стало ярким. Так я стала учиться рисованию. Теперь мама могла мной гордиться: да, не красавица, скорее даже некрасивая, зато художник, талант!.. Я подрастала, совершенствуюсь как художник. Любимым моим стилем стал, конечно, импрессионизм — он позволяет художнику внести в простой пейзаж за окном больше красок даже, чем там есть на самом деле, использовать чистые тона, не делая все цвета

пыльными, засаленными и какими-то выцветшими. В этом стиле, кроме всего прочего, можно обходиться без подробной детализации, рисовать листву, а не листочки, траву, а не травинки, представлять все в массе, в огромном количестве!

Одним из моих кумиров стал Максим Орлов. То, что он создавал, было необыкновенно! Буйство красок... в то же время не пестрота; абстрактно... но все же понятно, не похоже ни на что из ранее мною виденного! Потом, когда он стал проводить мастер-классы, я, естественно, стала посещать их все. Я втайне мечтала о том, чтобы стать его ученицей, но это казалось невозможным! Все равно, что выйти в космос... пешком! Но на одном из таких уроков я все же набралась решимости, смелости, если хотите, наглости и подошла к нему!!! Я думала, что он пошлет меня куда подальше с моими картинами, мне бы и это показалось благословением Мастера... Но он согласился! Представляете? Согласился!

Великий Максим Орлов согласился учить никому не нужную самоучку Настю Ковалеву!!! Моему Учителю, похоже, самому было интересно, он находил в этом своеобразный азарт... А я влюблялась! Уходила в это чувство, как в волну, не выныривая, задыхалась, но все же жила... Жила им и живописью! Я понимала, что мне ничего не светит — он женат и, похоже, счастлив в браке, я и так навязалась на его голову, да и жена его красавица, они прекрасно смотрятся вместе, я же серая мышь. Вскоре я поехала на выставку русских художников в Германию. Аннотации к моим картинам писал сам Максим Павлович, он возносил меня и мои картины. Такой похвалы они, конечно же, не стоили.

Когда мы вернулись в Россию, меня ждала страшная новость: Максим пропал без вести. И, скорее всего, погиб. Я проклинала себя за то, что уехала в Германию, тогда мне казалось, что, будь я рядом, ничего бы не случилось... Майя была в ступоре. Примерно через два месяца состоялась официальная церемония прощания. Тело так и не нашли, гроб был пустым и, конечно же, закрытым... Но церемония была, и она чертовски отдавала фарсом. Газеты издевались. Думаю, Максим сгорел бы со стыда. Вскоре мы с Майей — две женщины, любившие Максима и потерявшие его, подружились: мы обе стали очень одиноки, нам нужна была поддержка, и мы нашли ее друг в друге.

Через шесть месяцев появился ОН. Андрей Брагинцев, невесть откуда появившийся троюродный брат Максима, наследник всего его имущества. Никакой не инвалид, никакой не уголовник, интеллигентный такой, только очков ему и не хватает для полноты образа этакого барда-интеллигента. Знаете, это все так подозрительно... Братец тут же стал распродавать архивы и художественные принадлежности Максима: кисти, палитры, мольберты... Козел! Так тяжело было это видеть... Тем более он так похож на своего брата... Словно он и есть, даже голос! Только будто на несколько лет назад вернулся. Вскоре он занялся продвижением себя как музыканта — на деньги из наследства. Хотя, надо сказать, как музыкант он неплох, ну, это если объективно судить... Хотя, мне трудно судить о нем объективно. Я не могу слышать его голос, на меня каждый раз будто наваждение находит, будто это не этот выскочка с гитарой, а Он, Максим... А когда понимаю...

...Знаете, меня не покидает странное ощущение. Чем дальше, тем сильнее я ненавижу Брагинцева и сильнее люблю Максима. Я ненавижу Андрея как человека, но я «подсела» на его музыку: мне кажется, что это Максим поет мне эти песни... Но в то же время, меня не покидает ощущение, что Брагинцев как-то причастен к смерти Максима... До недавних пор о нем ничего не было известно, и тут вдруг ни с того ни с сего погибает Максим и, что еще более странно, оставляет ВСЁ в наследство этому выродку... Майя, похоже, питает те же подозрения. Как хотелось бы мне, чтобы всей этой ужасной историей занялась милиция... Максима, конечно, уже не вернуть, но хотя бы убийца будет наказан...

...Черт побери, я так и знала, у него стопроцентное алиби, он был в другом городе, а о воздействии на расстоянии они и слышать не хотят! «Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда!» Веский довод, ничего не скажешь. Они, видимо, решили, что я из прессы и хочу сделать из трагедии сенсацию! О, как вы ошибаетесь, господа офицеры! Но Брагинцев понесет наказание за то, что сделал. В наушниках играет его «Я не забуду Вас». Это как будто Максим поет для меня. Хотя, я никогда не слышала, чтобы он пел... Ну как может такая сволочь, как Андрей, писать ТАКИЕ песни??? Может, Максим преследует его в виде призрака и диктует все эти мысли? Может, это его единственный способ выразиться?..

...Сегодня знаменательный день — Максим Павлович Орлов осчастливил меня своим визитом! Во сне, конечно. А жаль. Он жаловался, что боги не пустят его в Валгаллу (а он язычник), пока он не будет отмщен. Он считает, что его убил Андрей, которому он завещал все, что только у него было, и просит меня отомстить за него. Он сказал, что боги не засчитают мне за грех убийство убийцы.

Правда, как только я хотела спросить, почему он составил завещание на Андрея, а не на Майю, например, сон покинул меня. Когда я заснула вновь, мне стала сниться всякая ерунда. Максим больше не появлялся. Я отомщу за него!..

...Прощайте, мои друзья, любители моего творчества и просто читатели моего блога. Я покидаю вас, возможно навсегда. Я совершила месть, которую так долго планировала. Я подстерегла его возле его дома. Он пытался что-то сказать в свое оправдание, но ему не удалось заговорить мне зубы, я была быстрее, чем его слова. Я перерезала ему горло, надеюсь, что связки я тоже перерезала, чтобы ни в аду, ни в следующей жизни он больше не смог петь этим голосом, голосом единственного мужчины, которого я когда-либо любила. Я подождала, пока агония закончится, и пошла домой — писать то, что пишу сейчас, на последнюю встречу с вами. Так как я убила убийцу, я чиста перед Богом, или Богами — теми, в которых верил мой кумир, игры которых запечатлевал он на своих полотнах. Теперь я хочу очиститься и перед законом. Завтра утром я пойду в милицию. Я сдамся раньше, чем они начнут искать, избавив таким образом историю Максима Орлова и Андрея Брагинцева от детективной подоплеки.

Последняя запись (приведена полностью, но без комментариев читателей)

Дорогие читатели моего блога, любители моего творчества, творчества Максима Орлова и Андрея Брагинцева! (для меня это по-прежнему два разных человека). Эта запись — последняя. Не только в этом блоге, который все равно закрыли бы из-за непосещаемости раньше окончания моего срока, а и в моей жизни. Как, как я могла совершить такую ошибку?! Ведь он пытался мне сказать... Сегодня меня в камере навесил Антон, друг Андрея... Максима. Он-то и рассказал мне все. Где хваленая интуиция, якобы свойственная всем женщинам и лишь некоторым из мужчин??? Как я могла не узнать его? Моя ошибка стоила жизни единственному мужчине, которого я любила, причем я убила его своими руками. После того, как я узнала, что Андрей — это и есть... был Максим, что я отомстила за него ему же самому... Мне нет смысла жить дальше. По моей просьбе — я даже не знаю, почему Антон согласился выполнить просьбу убийцы его лучшего друга — он дал мне на час свой ноутбук с выходом в Интернет, чтобы я могла навсегда попрощаться с Вами, мои любимые читатели. Сейчас он принесет — по еще одной моей просьбе — снотворное. Простите уж, что уйду без тех мук, которых заслуживаю. Но я женщина, поймите меня. Перед тем, как умереть, я просмотрю все новостные сайты, даже светские хроники — я хочу знать, КАКОЙ ИМЕННО мир я покидаю.

Прощайте.

С уважением, Анастасия Ковалева, она же Bright Shadow.

5. Жизнь продолжается...

Вскоре было официально выяснено, что Максим Орлов и Андрей Брагинцев — это один и тот же человек. В связи с этим завещание Орлова было признано недействительным, и, так как другого завещания не было, все имущество Орлова-Брагинцева поступило в полное распоряжение Майи Орловой ровно через полгода после фактической смерти ее супруга. Майя казалась обескураженной, взволнованной и опечаленной, впрочем, какой же ей еще быть, ведь она не знала, даже не догадывалась, что Максим и Андрей на самом деле одно лицо! И, конечно, ни о каком покушении с ее стороны на Максима не могло быть и речи, а в гараж она ходила от скуки. Весь мир жалел Майю, хотя о ней очень скоро все забыли. Однако она никогда не была честолюбива, а работа главного редактора журнала целиком и полностью ее устраивала, тем более, сейчас, когда она была богата.

Журналы и газеты еще долго мусолили эти события: гибель знаменитого барда, самоубийство Анастасии Ковалевой, последние две записи из ее блога, а также то, что Максима Орлова рано было признавать умершим. Что художник и музыкант оказались одним и тем же человеком. Что степени защиты таких документов, как паспорт, надо бы повесить — это к тому, что Максим Орлов несколько лет жил под вымышленным именем, по поддельным документам, которые куда только не предъявлял — и когда получал наследство, и когда оформлял себе прописку в Москве, и еще много где.

И о том, каким разносторонне одаренным человеком он был, и какая страшная ирония судьбы — погибнуть от руки своей же ученицы якобы за убийство... себя же самого. И все же газеты и журналы, а также некоторые ток-шоу обсуждали, правомерно ли это и этично ли это — что в Москве есть две могилы Максима Орлова. Одни предлагали поменять второе из надгробий — не Максим Орлов, а Андрей Брагинцев. Другие говорили, что это создаст путаницу, пусть на обоих памятниках значится имя Максима Орлова. Третьи говорили, что так путаницы будет еще больше, поэтому пустую могилу необходимо убрать. Тогда первые, вторые и все остальные объединялись против них во мнении, что это было бы неэтично. Потом решили, что и Андрей, и Максим были в своем роде замечательны и воспринимаются обществом как два разных человека — так пусть же будет память о них обоих, двух сторонах одной гениальной личности. И во всей этой суете все совершенно забыли про Майю Орлову, к тому времени живущую где-то близ Гренобля...

Все имена, фамилии, события и персонажи являются вымышленными. Любое совпадение или сходство — случайность.

Благодарности

Огромное спасибо всем, кто принимал участие в подготовке номера. Младшим редакторам: Марии Исаевой, Анастасии Тушинской, Юлии Ложкиной, Наталия Коденцова, Ольга Наумова и Татьяна Чехова.

Не смотря на то, что рубрика «Работа над ошибками» не вошла в номер, работа над текстом в рамках рубрики ведется до сих пор, в связи с чем, благодарим также тех, кто тратит свое время на эту рубрику: Ольга Лепина и Ксения Савченко.

Отдельная благодарность нашим корректорам за работу над текстами, вошедшими в номер: Ксения Савченко и Галина Буфетова.

Контакты

Наш электронный адрес — gazeta_buk@mail.ru

Адрес нашего сайта — <http://buk-journal.ru>

Адрес нашего форума — <http://buk-journal.ru/forum/>

Адрес нашей группы на сайте Вконтакте — http://vk.com/buk_journal

Адрес нашей страницы на сайте stihi.ru — <http://stihi.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашей страницы на сайте proza.ru — <http://proza.ru/avtor/gazetabuk>

Адрес нашего блога — http://blogs.mail.ru/mail/gazeta_buk/